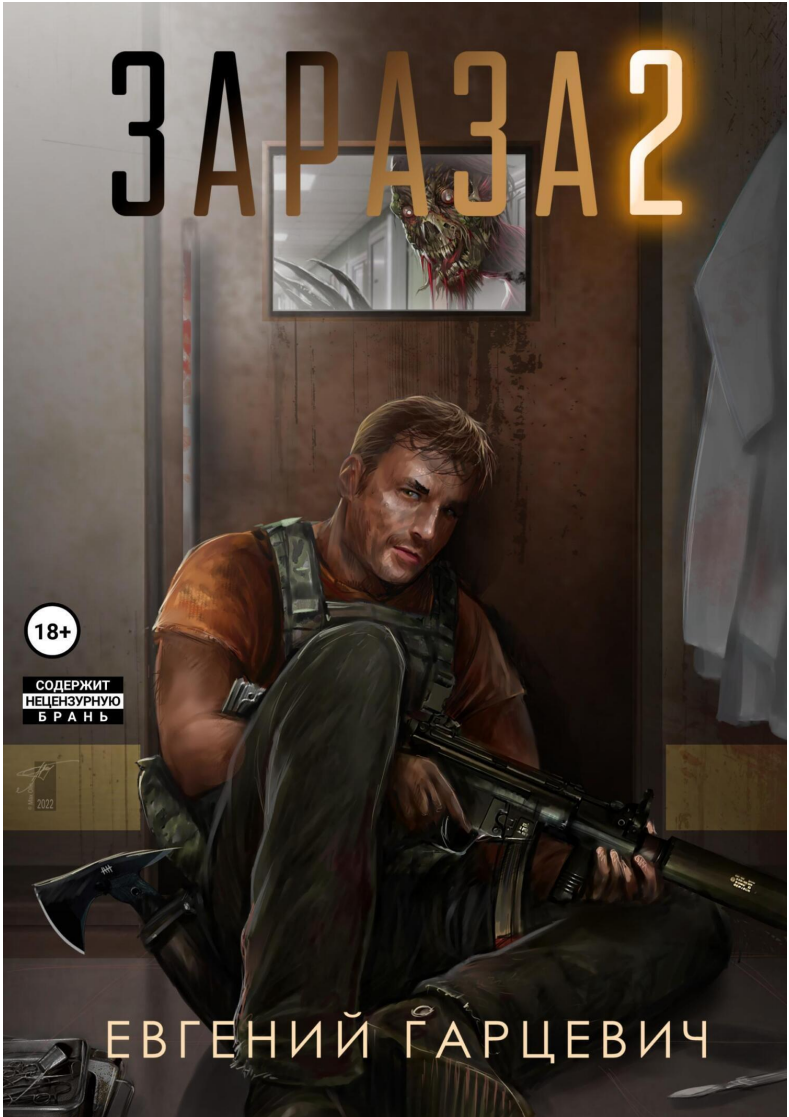
ЗАРАЗА 2



ЕВГЕНИЙ ГАРЦЕВИЧ

Евгений Александрович Гарцевич

Зараза 2: Львиное сердце

Серия «Зараза», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68531365
SelfPub; 2022

Аннотация

Я застрял в Сьерра-Леоне, в центре эпидемии, которая превращает людей в страшных мутантов. Моя сестра и близкие мне люди в страшной опасности. И теперь, чтобы вытащить ее и доверившихся мне людей, я заключил сделку со своими врагами – корпорацией Global Diamond Corp.У меня есть две недели, чтобы найти утерянный в мертвом городе алмаз и заплатить выкуп. Время пошло…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 18
Глава 3 31
Глава 4 43
Глава 5 56
Глава 6 72
Глава 7 87
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Евгений Гарцевич
Зараза 2: Львиное сердце

Глава 1

Заповедник Такагама Чимпанзи.
Лодочная станция. 26 марта 07:23

– Какая фе ты фсе таки мрафота, – Вадик поднял глаза от раненого Сани и уставился на Джерри.

– Космос, что там бормочет твой друг, – крикнул мне Джерри с пассажирского сидения катера. – Я догадываюсь, но по-вашему не понимаю. Вдруг, что важное?

– Говорит, не понимает, почему ты так поступил, – я не стал оборачиваться, вцепился покрепче в руль и начал входить в поворот речки.

Дуглас нас отпустил. Не считая Джерри и Али, которого так и не нашли, из лагеря выпустили четырех человек. И даже не отобрали катер, на котором приехали Вадик с Леони-

дычем.

Условия сделки Дуглас расширил: алмаз в обмен на сестру, по сто тысяч долларов за Пончика, Каланчу и Леонидыча, и еще двести – компенсация за Лесли, охранников и обдолбанного Халка вместе с зеркалом. Итого пол-ляма зелени, которых у меня не было, но Дуглас назвал Фритаун городом возможностей и слушать ничего не стал.

Все это надо было привезти в лагерь через две недели, в противном случае за каждый день просрочки один из рандомно заложников будет терять по конечности. Также дали понять, что Джерри неприкосновенен и лучше даже не поднимать эту тему в лагере выживальщиков.

Сейчас мы гнали на катере к берегу, стараясь довезти раненого Саню туда, где ему окажут квалифицированную медпомощь. Артерию ему не задели, кровотечение остановили, но пулю не вынули, и все шло к тому, что начинается инфекция. Мчсник почти все время был без сознания, нога вокруг раны покраснела и отекла, начался жар.

Как мы доберемся, я пока представлял плохо. Камаджоры на связь не выходили, оружие было только у Джерри, которое он все время с отплытия далеко не убирал, поглядывая то на меня, то на Валькирию.

– А что тут непонятного? Я выжить хочу, – Джерри оглянулся по сторонам, – а в этом чертовом городе сделать это можно только с теми, у кого есть реальная сила.

– А как же МакФерси?

– Он нормальный мужик, но в лагере слишком много гражданских. С этим тупым советом, все эти сопли, дети и старые пердуны. Думают, раз контейнерами отгородились, то это их спасет. Я Дугласа давно знаю, пересекались до всего этого. Он слово сдержит, так что ты мне еще спасибо скажешь. Найди алмаз, спасешь сестру…

– Да пошел ты… – я подправил лодку и начал сбавлять скорость, увидев причал, а потом крикнул Вадику, – Готовься, вместе потащим. Валька, ты прикрываешь.

С Джерри я потом разберусь. Трогать нельзя, но не значит, что нужно поддерживать нормальные отношения. Не понравится ему мое «спасибо», ну или не мое. Тут как пойдет. Может, мстить уже Вадик с Валькой будут.

На причале пошатывалось несколько мертвяков и еще парочка по колено вошла в воду, но глубже не двигалась. Охлаждаются они что ли так? Пофиг, пусть хоть коктейли пьют, главное, чтобы не ныряли.

Я махнул Джерри, мол, давай работай. Как ни крути, мы в одной лодке, а ствол только у него. Да и не факт, что Дуглас ему спасибо скажет, что в первый же день шанс получить алмаз потеряли.

Джерри скривился, но время зря тратить не стал. Лучше на воде пошуметь, чем к причалу всех соседей созвать. Прицелился и по одному расстрелял всех мертвяков, ни разу не

промазав. Семь выстрелов – семь трупов, а ведь и двигались и катер пошатывает.

Не успели причалить, как Вадик выскочил на берег и, косясь на трупы, побежал к небольшому домику, заменявшего лодочную станцию. Деревянная одноэтажная хибара со всех сторон обвешанная оранжевыми спасательными кругами стояла метрах в пятнадцати от места, где мы причалили. За ней еще два домика поменьше, смахивающими на пляжные раздевалки. А еще метров через пятьдесят начинался жилой район, нечто среднее между гаражами-лачугами и дачными домиками среднего класса с брошенными машинами.

– Вадик, твою мать, ты куда? – я скорее зашипел, чем крикнул, пытаясь не привлекать лишнего внимания.

– Фекунду, – на ходу бросил Вадик и скрылся в домике.

– Валькирия, тогда ты помогай, – я поманил Вальку и вместе с ней подошел к бесчувственному Сане, дыхание неровное, прерывистое, но точно еще живой, – Бери за ноги…

– Вы что серьезно? – перебил меня Джерри, уже вылезший на пристань, – Бросьте его. Нам самим бы выбраться.

– Джерри, отвали. Мы тебя тут не держим.

– Они нет, а ты держишь, – Джерри клацнул автоматом и наставил его на нас, – Отойди Космос, он нежилец уже. Вы только мучения его продлите, а заодно и нас всех подставите. Я знаю, ты это понимаешь не хуже меня. Если сам не готов,

то, давай я просто пристрелю его?

Я чуть сдвинулся, чтобы прикрыть одновременно и Саню, и Валькирию, и сделал вид, будто размышляю. Из домика вышел Вадик с «калашом» в руках и какой-то винтовкой на плече, к счастью, быстро оценил ситуацию, тихонько подошел ближе и прицелился в затылок Джерри.

– Флыфь, мудила, – Вадик передернул затвор, – Я фейчаф фам тебя фавалю.

– Тебе перевести? Или понял? – я кивнул Джерри, – Проваливай, мы сами до лагеря доберемся.

Джерри обострять не стал. Сплюнул, поднял руки и отошел. Хотел что-то сказать, но махнул рукой и, ускорившись, побежал в сторону города.

– Нычку у наф там была, когда чафовых убирали, – Вадик протянул Валькирии винтовку, похожую на семисотый «ремингтон», что-то из ходовых версий, даже оптика была, а мне бросил замотанный скотчем обрез двустволки и ссыпал горсть патронов, – Прикройте меня, мафыну подгоню.

Я проверил Саню, может и прав Джерри, но пока есть шанс, упускать его я не намерен. Не говоря уже о том, что это я всех за собой позвал. Сжал покрепче обрез, гладкая рукоятка успокоила, переключила мысли. Проверил, заряжен ли, вчитался в полустертую гравировку – «Веблей-Скотт», ста-

ренький, но все еще надежный, по крайней мере, в упор.

Из леса появился шаркун, Валькирия выстрелила, но пуля лишь расщепила дерево за спиной у мертвяка. Стала материться в адрес тех, кто до нее владел «ремингтоном» и, видимо, настраивал прицел. С третьего раза попала, дозарядилась, и по новым зомбакам, повалившим из леса, болтовка начала строчить, как швейная машинка. Выстрел – труп – щелк и скрип затвора, выстрел – труп – щелк и скрип затвора, будь в магазине побольше патронов, да и в принципе побольше, мы, может быть, и отбились бы.

Зомбаков было уже около двадцати, и на каждого убитого Валькой из леса выходило два, а то и три новых. Брели к нам, спотыкались на неровной земле, спотыкались об упавших, но перли, пытаясь нарастить скорость. Непонятно было, то ли бежать, спасать Вадика, то ли отплывать на глубину.

Наконец, послышался шум мотора, и, ломая забор, из поселка выскочила, доработанная в лагере, техничка. Возле крыши на удобном сварном шарнире закреплен РПК, вместо стекол стальная сетка по периметру кабины и усиленный остроконечный бампер, который не то что зомбаков, даже забор не заметил. Перегазовывая, Вадик промчался мимо нас, врубился в первую волну мертвецов и сделал круг. Повторно пошел на таран, раскидывал и ломал самых шустрых. А потом затормозил у пристани и, стреляя на ходу, побежал к лодке.

– Валька, дуй к пулемету, – я бросился к Сане, – Потерпи, сейчас потрясет.

Вадик продолжал стрелять. Дождался, когда девушка заберется в кузов и освоится с пулеметом, а только потом бросился в лодку. Вдвоем подняли Саню, еле дышит, горячий, как капот автомобиля, разогретый на солнце, но живой. Подняли, чуть не уронили, когда лодка попыталась отчалить от пристани, но все-таки втащили на берег. А потом и в кузов технички.

И все это под постоянным огнем Валькирии. Зомби окружали. Уже не только из леса, но и со стороны поселка, как тараканы из каждого проулка, потянулись шаркуны. Эти уже неслись, подтянутые, заряженные, будто реально у городских кормовая база разнообразней, чем у полудохлых жителей леса.

– Я пустая, нужна перезарядка, – закричала Валькирия.

– Под лафкой, ифи в яфике, – Вадик уже заскочил в кабину, но никак не мог тронуться, едва слышно в общем реве мертвяков, чихал стартер, но машина не заводилась, – Давай, родная! Вывофи наф отфюда!

Я снес выстрелом ближайшего зомби, зацепив дробью еще троих за его спиной. Крутанулся и снес голову мертвяку, вцепившемуся в край кузова. Выстрел вместе с головой раз-

воротил ему плечо, зомби отбросило на напиравших сзади, а скрюченная рука так и осталась цепляться за кузов.

Я перезарядился, патроны явно были самодельные, снаряженные то ли огрызками гвоздей, то ли рублеными монетками. Спорное решение, но вполне действенное на такой дистанции.

– Козлы! Подсунули левую копию какую-то! – цитата из “Брата” сама с языка слетела, причем так громко, что Вадик услышал и заржал.

Приятный смех моментально заглушила вдавленная в пол педаль газа вместе с ревом двигателя. Меня аж в кузов опрокинуло, так что чуть стонущего Саню не придавил. Я перегнулся через край, выстрелив в новых зомби, успевших вцепиться в кузов и дуплетом разбросал их по пыльной дороге.

Перезарядился и не вставая, не дай бог попаду под раздачу от Валькирии, проверил остальные борта. Пнул ботинком черные пальцы с обломанными ногтями, и рука мертвяка запрыгала по дороге под ноги настырным шаркунам. За нами бежали, и хоть Вадик вилял, постоянно теряя скорость на поворотах, но видно было, что в скорости «тойота» сильно превосходит мертвых аборигенов.

* * *

Лагерь МакФерси. Западный район Фритауна. 26 мар-

Все что происходило дальше, превратилось в кадры какого-то сериала про «Скорую помощь» – те, когда раненого наконец ввозят в больничку, а вокруг начинается суета. Кто-то из родных семенит ногами возле каталки, держа за руку больного. Врач скорой провожает с капельницей в руке, а на встречу из всех кабинетов выбегают медсестры и врачи, охают, ахают и командуют, сколько чего колоть и куда вести.

Вот у нас было почти так же.

Только вместо сирены и мигалок, клаксон технички и пулеметные очереди. Каталку и капельницу заменяли ноющие плечи и обрез в свободной руке. А вместо встречающих врачей, снова пулемет, долбежка в металлические двери контейнера, отборный мат и разбитое лицо какого-то парня из выживальщиков, что-то там вопившего про осмотр и карантин.

Но дело было сделано.

Передали Саню, буквально на руки главврачихе и даже присесть не успели, как оказались в кабинете разъяренного МакФерси. Где помимо него оказался и Джерри, и паренек, получивший по морде на входе, и еще несколько бойцов при оружии.

Все напряжены, взгляды злые, особенно у паренька, попавшего под руку. Какую версию успел им рассказать Джер-

ри непонятно, поддержит ли его МакФерси, тоже фиг знает. Леонидыч мог бы предположить, но не Вадик. Далек он был от политики, да и, похоже, от этого мира – еле на ногах стоял. Морально-волевые закончились у парня, да и по голове ему «глобалы» все же зарядили.

Но пока стрелять в нас никто не собирался. Довольно грубо осмотрели на наличие укусов, долго изучали повреждения Вадика, и в итоге отправили его к медикам, а за меня взялся МакФерси.

– Рассказывай.

– Да, что тут рассказывать, – я покосился на Джерри, но тот всячески делал вид, будто вообще не при делах, – Сестру нашел, но вывести не смог, на выходе попали в засаду.

– Поздравляю, что нашел. А в остальном… – МакФерси нахмурился и тоже посмотрел на Джерри, – Про сделку знаю. Как ты из этого будешь выпутываться и спасать теперь уже четверых людей, в том числе и моих, даже думать не хочу. Но! Лагерь помогать тебе больше не будет, это понятно?

– Предельно, – я не видел смысла спорить, и Саню нужно вылечить, и обещания свои держать, так что на все следующие реплики только кивал.

– А вот ты лагерю помогать будешь. Вы отличных бойцов потеряли, у нас теперь гражданских в два раза больше, чем реально толковых.

Я заметил, как скривился Джерри, будто перед глазами у него промелькнули все эти бесполезные, по его мнению, гражданские. Помочь лагерю – не проблема, соскакивать не собираюсь.

Надо только передохнуть, последний раз спал вчера днем. Потом освежить в памяти дневник Альберта и поискать все, что он писал про коллегу. Если этого не хватит, то смотаться в центральный офис «Глобал корп», пошуршать по картотекам да личным делам. Не идти же к Дугласу за данными по Гульдбергу, чтобы они поняли, что я блефовал и толком ничего не знаю.

По слухам, центральный офис заброшен с начала эпидемии, с этим проблем не должно быть, а вот в каком состоянии район бизнес-центров, сказать сложно. Зато, может банк там получится ограбить. Фритаун – город, млять, возможностей. А еще Читера нужно проведать, как бы ни забыл меня совсем.

Молчание затянулось, и МакФерси понял его по-своему. Уставился на меня, прищурив взгляд, и явно ожидал ответа.

– Космос, – резко сказал глава лагеря, я аж вздрогнул, никак не могу привыкнуть к произношению некоторых, я у них в переводе звучу не как «спейс», а как какой-то «спайс», – Не делай из меня монстра. Я в ответе за кучу жизней. А я еще не могу понять, что с тобой делать. То ли прогнать от греха подальше, то ли надеяться, что ты потерю бойцов смо-

жешь компенсировать.

– Все в порядке. От меня не будет проблем, если вляпаюсь, то в лагерь не потяну за собой.

– Окей, мне этого достаточно, – МакФерси раскурил сигару, – Отдыхайте пока, а завтра поедете за солнечными панелями, наводка есть на одну мастерскую.

За дверью послышался топот, суета, короткий спор с охранником, и в комнату почти влетела женщина в медицинской форме, а за ней парень в очках в такой же форме.

Оба русские, еще из первой партии врачей, которые прилетели местных от эпидемии спасать. Леонидыч меня с ними знакомил, она хирург, а парень фельдшер, но со знанием английского.

От миловидной хрупкой блондинки, ворвавшейся в кабинет, веяло такой энергией, что аж воздух в помещении наэлектризовался. На вид ей было за пятьдесят, глаза добрые, но цепкие, будто встроенный рентген внутрь запихнули. На голове одноразовая шапочка, одета в синюю форму, руки мокрые, но уже без перчаток, будто только что выбежала из операционной, руки помыла, но вытирать уже не стала.

– МакФерси, – голос уставший, но хорошо поставленный, обращалась она к нему, но притихли мы все, будто школьники, которые укола боятся, – У нас проблема. Лекарства закончились. Я Александра прооперировала, но у него воспа-

ление. Заражение уже во всю и без антибиотиков мы его не вытащим. Я и раньше говорила, что нужно найти лекарства, но сейчас это реально вопрос жизни или смерти.

Очкарик, который пришел с ней, начал переводить для тех, кто не говорит по-русски. Я не стал ждать и повернулся к женщине.

– Что нужно?

– Цифоласпорин нужен, любого поколения. В принципе цефазолин подойдет или клиндамицин, еще нужны обезболивающие. Трамал, сентонил, он в виде пластыря бывает…

– Так. Вот до трамала я вообще ничего не понял, – я посмотрел на МакФерси, ему уже все перевели, но в разговор он не вмешивался, – Как-то попроще можно?

– Проще пенициллин, хоть какой. Ампициллин, амоксиклав, аугментин – все подойдет, они по-разному здесь могут называться.

– Простите, но понятней вот ни разу не стало, я вроде буквы понимаю, но в картинку это все не складывается. Есть пример, как выглядит?

– Есть, – женщина вздохнула, явно поборов желание высказаться, какой же я тупой, – Я покажу. Но антибиотики нужны срочно, если гангрена начнется, не факт, что даже ампутация спасет.

Я посмотрел на МакФерси. Не знаю, чего ждал, может, что в подмогу, кого снарядит, но тот лишь развел руки и помахал, провожая меня на выход. А потом также молча остановил Валькирию, которая дернулась за мной. Женщине-врачу все эти пантомимы явно не понравились, но спорить с МакФерси она не стала. Развернулась и вышла за дверь, позвав меня:

– Вы идете?

Глава 2

Сборы заняли меньше пятнадцати минут. Умылся и переоделся, забрал «коротыша» с томагавком и перекусил на ходу, запивая белковый батончик энергетиком. Дольше ждал, пока откроют ворота, а потом и гараж, чтобы добраться до своего мотоцикла.

Никакой поддержки МакФерси так и не дал, пообещал, что группы, которые сегодня выйдут на мародерный рейд тоже будут искать в первую очередь лекарства и выдал карту города с кучей крестиков вокруг лагеря. Каждая черточка обозначала уже разграбленные объекты в округе: аптеки, полицейские участки, пожарные станции – в общем, все, где в теории можно было найти антибиотики.

Я только присвистнул, оценивая масштаб деятельности. Почти все западные районы Фритауна от пригорода до территории Соломона были уже подчищены. Так что либо идти в гости к черномазому «Рембо» либо в объезд прорываться в центр.

Но идти наудачу я не хотел. Не верил, что наткнусь на брошенную где-нибудь в переулке целую машину скорой помощи или тайную лабораторию наркодельцов, где хотя бы обезболивающих смогу набрать. Надо было ехать наверняка и лучше в настоящую больницу.

За время пребывания в стране в стационаре я успел по-

бывать дважды.

В гостях у Альберта в Коннауте мне, мягко говоря, не понравилось. Есть ли там нужные лекарства неизвестно, а вот уровень опасности и дневная очередь из пациентов-мертвяков на квадратный метр помещения до сих пор снится в редких кошмарах.

Второй раз, а, точнее, первый, я гостил на базе у миротворцев. Медблок там небольшой, но скорее специализированный, а персонал довольно оперативно эвакуировался, могли много что оставить. Уровень опасности также неизвестен, но там хотя бы есть контейнер с «эхом войны», а может еще какая техника.

Я выехал из гаража и повернул в сторону области. С ограждения что-то крикнули, решив, что я собираюсь свалить, я не стал оборачиваться.

Первые два квартала шаркунов, стоящих на ногах, было немного, сказывался постоянный отстрел из лагеря. Упокоенные тела мешали разогнаться, приходилось маневрировать, стараясь не сбавлять скорости и не попадаться больше необходимого на глаза ближайшим зомби.

Но потом я выехал на чуть ли не единственный проспект во Фритауне – Бай Буре Роад, по которому можно было как объехать город по кругу, так и свалить вглубь страны. Не наш МКАД, конечно, даже не «трешка» – две полосы в одну сторону, две в обратную, а между ними невысокие бордюры и островки с выгоревшей на солнце чахлой растительностью.

Но разогнаться я там смог, перескакивая через бордюр и меняя полосы, когда нужно было проскочить между кучковавшимися мертвяками.

Вдоль дороги по обе стороны стояли одно-двухэтажные здания, гаражи и лачуги. Все какое-то серое, ржавое и настолько бедное, что понять – так всегда живут или это последствия апокалипсиса, было нереально. У нас в какой-нибудь областной промзоне и то все радостней выглядит. Нет, встречались яркие пятна – рекламные вывески, шатры торговых палаток, кровавые пятна на серых стенах и мертвые тела в рваной пестрой одежде.

Солнце только-только начинало душить, разгоняя остатки ночной свежести, началось брожение зомбаков в поисках тени, и на дороге стало посвободнее. Но все равно периодически приходилось выскакивать на обочину и со стрельбой объезжать хибары, а еще дважды только активация сигнализации на припаркованных машинах, хоть как-то оттянула зомбаков с проезжей части.

Остановился всего два раза. У брошенной возле пустыря машины и слил немного бензина, чтобы заправить мотоцикл. А второй раз у магазина с вывеской «Часы» и взял там парочку простых механических будильников. Маленьких, в ладошку помещались, черненьких с куполом и звонкими бубенчиками. Протестировал на подтянувшихся на шум мертвяков – завел на ближайшие минуты и, как только щелкнуло, бросил за спину зомбакам. Грохнулось, звякнуло стекло, но

корпус выдержал и начал трещать, как ненормальный. Шаркуны купились и ломанулись на звук, не все правда, а только ближайшие. Но все равно эффективно, хуже, чем от мигалки с сиреной, но я вернулся в магазин и прихватил еще несколько штук.

Чем дальше выезжал за город, тем безлюдней становились улицы. Ни живых, ни оживших. Все чаще и чаще вдоль дороги попадались просветы между домами, в которых росли деревья: пальмы, акации и что-то раскидистое, что я так и не смог распознать.

Но потом появились мертвые. Самые обычные, те что умерли, пусть и необычной, но своей смертью, без участия грибков и паразитов. Опознать их было легко – они болтались, повешенными на особо крупных деревьях. А под ними, как фанаты копошились и тянули руки вверх, потрепанные зомби. Я насчитал почти два десятка тел, разной степени разложения, но в основном подсушенные. И все еще вкусные судя по голодным мертвякам под ними.

Все повешенные – белые, скорее всего работяги из Европы, у некоторых на груди висели таблички с надписями. Но подъезжать ближе и вчитываться желания не было, достаточно предположения, что в городе завелось какое-то племя националистов. Хорошо хоть не людоеды, но и тут я не был уверен полностью. Грудь с животом прикрывали грязные лохмотья, так что утверждать, что сердце и печень на месте, не берусь.

Вспомнилась история Боба МакКензи, командира отряда ЧВК Gurkha Security Group. Первая из ЧВК, кто отметился в Гражданской войне в Сьерра-Леоне, и, мягко говоря, очень неудачно это сделал. В первом же рейде «гуркхи» попали в засаду, а самого МакКензи местные расчленили и съели его сердце. Конечно, это слухи, но я не удивлюсь, если здесь есть племена, которые верят, что, съев сердце противника, заберешь его силу.

Не останавливаясь, внимательно сканируя местность, поехал дальше. Встречаться с теми, кто повесил тела, не хотелось. Да еще, если они каннибалы, нафиг-нафиг, и так зомбаков хватает.

Показалось, что на солнце блеснула оптика, я пригнулся и ускорился. И уже через пятнадцать минут, стоя на небольшом холме, разглядывал лагерь миротворцев. Судя по тому, что видел, брошенный, пустой и переживший пожар.

Когда был внутри, он казался больше. Съехать с трассы на грунтовку, проехать метров пятьсот по сухому, практически без растительности, полю и окажешься перед ограждением из металлической сетки.

Ворота распахнуты. Перед ними пара брошенных грузовиков – у одного капот поднят, у второго двери нараспашку.

Справа в три ряда тянутся белые вагончики, у нас в таких бытовках строители живут. Повсюду видны следы пожара. Несколько дальних домиков полностью выгорели, только чёрные головешки, а соседние сильно подкоптились. Где-то

среди них больничка, но в первом ряду, до которого пожар не добрался.

С левой стороны периметра стоит пара здоровых палаток с поднятыми стенами, там вроде кухня была. А дальше грузовые контейнеры, еще машины и разнообразные ящики, часть под навесом, а часть просто свалена почти ровными рядами.

Ни вышек, ни блокпостов, сбоку от ворот еще один вагончик с открытыми окнами. Из которых торчат и слегка колышутся на ветру белые занавески. Другого движения не вижу.

Что странно, не вижу и тел. Ни живых, ни мертвых, ни оживших мертвых, ни двухсотых, ни двухсотых в квадрате – чертова зараза, фиг поймёшь, как людей и монстров теперь называть.

Если бы не срочность, я бы подольше понаблюдал за лагерем. Объехал бы со всех сторон, пытаясь хоть как-то разобраться в том, что случилось. Тела, кто-то убрал, а вот кто и зачем, очень хотелось понять, но Саня ждать не будет.

Огляделся, чтобы не пропустить кого сзади и поехал в лагерь. Притормозил перед воротами, прислушался, пристроил обрез на руле, а автомат перевесил на грудь и, не слезая с мотоцикла, готовый газануть в любой момент, покатился внутрь.

Пахло горелым пластиком, но примешалось что-то еще, напоминающее сырокопченую колбасу, только те виды, когда она больше сырая, но меньше копченая, да еще и без спе-

ций. Запах не резкий, но от него реально начинало подташнивать.

Что-то тихонько скрипнуло, зашуршал газетный листок, застрявший на оттяжке палатки, хрустнул гравий под колесами, нервно тикали будильники в сумке, приделанной к заднему сиденью мотоцикла. Сам не знаю почему, но стало зябко, хотя солнце уже грело нормально. Ничего не понятно, кроме того, что мне здесь не нравится.

На земле проглядывались смазанные пятна впитавшейся крови, будто кого-то тащили. И судя по направлению мазков, тащили в сторону контейнеров, туда, где Леха выдал мне ТТ. Но туда я пока не пошел. Доехал до центра лагеря, приметил ту самую моваговскую «пиранью», на которой меня вывезли из аэропорта. Припарковался возле нее и аккуратно проверил, внутри ничего и никого, только смятая пустая пачка сигарет.

Присмотрел парочку мест, как быстро забраться на крышу или, наоборот, куда заныкаться, и пошел в медицинский отсек. Взглянул на градусник, все еще закрепленный на выбитой двери. Почти тридцатник, как-то даже прохладно сегодня.

Внутри все одновременно было и знакомо, и иначе. Каталки, приборы, стойки с капельницами – все было раскурочено и разбросано, будто и не уходил отсюда. А вот трупов не было. Стреляные гильзы и дырки от пуль в наличии, покореженная утка присутствует, даже горстка бычков возле

каталки, на которой я последний раз видел раненого бойца, его Леха вроде Крестом называл, а тел нет.

Пленка даже есть, в которой медсестра запуталась, а ее самой нет. Даже останков, если предположить, что кто-то их всех погрыз потом. Чем больше я оглядывался в поисках хоть какой-то нормальности, тем меньше мне хотелось находиться в этом лагере. Шестое или уже даже двадцать шестое чувство, а этот город и без заражения менял людей, водило холодными пальчиками под мокрой от пота футболкой.

Пофиг, как говорится, зомбаков бояться – к миротворцам в гости не ходить. Взял в руки обрез, убедился, что он заряжен, и, не особо скрываясь, хрустя по мусору, пошел в дальний конец вагончика к бывшей каморке медсестры. Чище там не было – перевернутый стол, мусор, битые склянки, и в этой куче разбросанные мятые упаковки таблеток, сваленные с металлического стеллажа.

Вся эта помойка доверия не вызывала, что-то один раз упало, потом разбилось и разлилось сверху, потом опять упало, перемешалось, где-то подсохло, а где-то расклеилось. Пахло все это смесью спирта и аммиака. Что, как, зачем – фиг поймешь, но я все равно пошуршал ногой, выискивая маленькие баночки по образу и подобию, как мне выдали для примера. Запоздало подумал, что если их надо было хранить в холодильнике, то им капец. Но ничего похожего не нашел.

Пришлось идти в соседние домики в надежде, что где-то там есть склад. Я перебежал в ближайший, но там, похоже,

жили медики. Кровати в два яруса, шкафы с одеждой, из полезного только несколько бутылок с водой и красная медицинская сумка с кучей отсеков, сетчатых кармашков и плотными стенками термоизоляционными стенками. Вот только содержание меня расстроило – растаявшие голубые брикеты с хладоэлементом и несколько теплых банок пива. Попили, блин, пивка – выкинул все на ближайшую кровать, а сумку закинул за спину.

В следующем домике все медицинское таинство и происходило. Сначала стерильный отсек, потом операционная с окровавленным столом и разбросанными тряпками. Здесь уже пованивало, а о какой-либо стерильности и речи не шло, над столом жужжали мошки, а во всем остальном общая картина лагеря напоминала фильм про пришельцев, в котором просто одномоментно исчезли все люди. Все, что трогали, делали – все, будто замерло, остановилось во времени, а люди просто исчезли.

Если бы не мухи да очередные подтеки на грязном полу, уже бы начал щипать себя и проверять, что не сплю. Духота еще донимала. Заветных флакончиков я опять не нашел, но обзавелся аж тремя хирургическими наборами, на которые тоже был запрос от врачихи, лечившей Саню.

И только в третьем домике, мне наконец, повезло.

Склад или своего рода аптека, но там нашлось все – и цефазолин, и трамал, и антисептики и даже с запасом. Я подобрал еще одну сумку-холодильник и медицинский рюкзак,

набитый всякими полезностями – больше точно не утащу. Под завязку еле молнию застегнул, забил обе сумки нужными упаковками, в рюкзаке спрессовал содержимое и туда еще наполнил.

Прикинул, что термосумки смогу повесить на мотоцикл, как седельные на лошадь, а рюкзак за спину и если никто мешать не будет, то домчу почти с комфортом. Но сразу все переть не рискнул, взял первую сумку и, все еще держа обрез в руке, пошел к мотоциклу.

Выглянул за дверь, никого не увидел, но услышал какой-то странный звук из-за соседнего домика, будто кто-то волочит что-то тяжелое по земле. А потом и увидел.

Со стороны ворот из-за угла шатра медленно вышел мертвяк и волочил за собой два довольно свежих на вид чернокожих тела.

Двигался, как шаркун, но при этом давно мутировавший в нечто новое. Таких я еще не видел – плотный, нетолстый, скорее квадратный, как пауэрлифтер маленького роста. При том что сам он был под два метра. Тело в каких-то буграх, напоминающих панцирь черепашки или какую-то корявую пластинчатую броню. Бургы сменялись трещинами, в которых застряли куски рваной военной формы. Из-за спины над уродливой головой торчал длинный ствол снайперской винтовки.

Я замер, проглотив емкое ругательство, опасаясь, не то что сумкой о землю хлопнуть, а даже пошевелиться. Меня

пока не заметили. Черепашный брел метрах в тридцати мимо меня в сторону контейнеров, оказавшись ко мне практически в профиль. И странностей стало больше.

Во-первых, чрезмерно огромная рука, в которой он держал сразу две ноги, просто в кулачок сжал, как какой-то пучок петрушки. Вторая рука при этом была ближе к остальным пропорциям тела. Кувалда, а не рука. Но по крайней мере, сопоставимая со шпалами ногами и кирпичной головой.

Во-вторых, снайперская винтовка не висела на плече, а росла из спины, проглядывая отдельными частями между бугров. Ни ремня, ни приклада видно не было, все скрывали грубые наросты бледно-серого цвета.

Я опять проглотил ругательство, только уже более мощное и витиеватое, когда понял, что узнаю его. Снайперская винтовка, укус в руку, отдельные фрагменты искореженного лица – ну, здравствуй, Егерь.

Я не стал кричать старому знакомому, а он так и не обернулся. Уже колено начало сводить от той позы, в которой я замер. Но Егерь протащил тела мимо, на секунду подвис, заметив мотоцикл, что-то промычал. Можно было третий раз сжимать зубы, чтобы не прооораться матом, но, блять, ему ответили!!!

Из-за контейнеров синхронно раздалось три визгливых скрежета, будто кто-то там чаек наизнанку выдернул. Но Егерь успокоился и побрел дальше.

Я, наконец, опустил сумку. С сомнением посмотрел на об-

рез, даже знать не хочу, смог ли бы я пробить там хоть что-нибудь. Прислушался.

Где-то в районе контейнера, из которого я хотел повторно подобрать себе какой-нибудь огнестрел, опять завизжали, и даже с такого расстояния послышались звуки разрываемой плоти и нечто похожее на отрыжку.

Я на цыпочках перебежал к мотоциклу, убрал подножку настолько нежно, будто крыло бабочке поправил, и покатил байк к противоположному от контейнеров забору. Также тихо, постоянно оглядываясь и прислушиваясь к чайкам, перенес туда сумки и закрепил их жгутами на сидушке.

Выкатил мотоцикл к воротам и встретился взглядом с Егерем, который вышел из-за контейнеров. Вот теперь он меня точно заметил. Взревел, также нечленораздельно, но, поспорить готов, тональность была уже совсем другая. Тревожная что ли, предупреждающая.

Вот только не меня, а тех, кого он охранял от меня. При всей своей массе сорвался на бег он моментально, я на мотоцикле так не смог. Я газанул, бросая в него камни из-под колеса, и выскочил на дорогу, почти перед самым его бугристым носом.

И погнал к трассе. Он прекратил меня преследовать только километра через два и то, скорее не потому что устал, а не хотел удаляться от своей территории. Очень ценной для выживших территории, учитывая сколько там осталось лекарств и даже не вскрытых ящиков.

Очнулся я от невеселых мыслей, только когда понял, что заехал куда-то не туда. То есть трасса-то одна и довольно прямая, и все держу под контролем, но несколько раз пришлось съехать, объезжая неожиданно появившихся на дороге шаркунов. Либо мигрировали куда-то, переходя дорогу, либо уже к солнцу адаптируются. Жара такая, что сидушка мотоцикла уже мокрая, а со спины из-под рюкзака ручьями течет.

Один раз ушел на условный грунтовый дублер, потом объехал какие-то складские помещения, и в итоге попал еще сильнее. Уперся в небольшую рощицу, где на деревьях висели не экзотические фрукты, а очередные повешенные туристы в рубашках с дурацкими картинками и перепачканными совершенно не светлыми шортами. А под ними толпа фанатов среди деревьев, клацающие зубами в воздух.

Пришлось разворачиваться, но не тут-то было. Оттуда, откуда, я приехал, раздалось стройное рычание мотоциклов. Громкая трескотня кроссовых или эндуро сначала привлекла зомбаков, те нестройной гурьбой потянулись в мою сторону. А потом появились и сами мотоциклисты – пятеро, местные туземцы, в каких-то нелепых черных балахонах с винтовками в руках.

Выскочили из-за склада, притормозили, так чтобы я их видел и слышал, и стали красоваться, перегазовывая. А потом первый, что был за главного, достал из-за спины моток веревки и как лассо, стал раскручивать висельную петлю.

Глава 3

Так. Сзади на дороге пятеро. Живые явно настроены негативно, из оружия старые винтовки, вроде Мосинки, у одного двустволка. Выглядят опасно, но скорее из-за тряпок, похожих на сектантские наряды, и тех проделок, которые они выделывают с людьми своими веревками. Насколько меткие стрелки непонятно, да и неудобно на мотоцикле ехать и одной рукой из таких палок стрелять. Есть шанс прорваться.

– Господа офицеры, нас предали мы в жопе, – я пробурчал себе под нос, глядя, как за спиной у мотоциклистов едет две легковушки, набитые чернокожими сектантами.

Подъехали и перекрыли дорогу. С оружием дела еще хуже, чем у байкеров. Вижу один автомат, две винтовки и кучу сельхозтехники: мотыги, топоры, серпы и даже разной искривленности мечи, уж не знаю, что у них тут в ходу: пинга или хопеш, а, может, вообще новоделы какие-то.

Но назад не проехать. Даже, если стрелять они не умеют, по перехраначат такой тяпкой на скорости, мало не покажется. Седельные холодильники не то чтобы тяжелые, маневренность и мои навыки, к слову, не самые выдающиеся, езды на мотоцикле не сильно подпортят, но коня эти черти легко на скаку остановят.

Справа бугристое перепаханное поле с какой-то растительностью, а дальше лес – идеально, если бы не одно «Но». Там свободно, на своей «классике», я от кроссовых не уйду. Хотя есть и второе «Но» – может паранойя, может, показалось, а, может, и подельники сектантов капище свое там устроили, но вроде опять блик, как от оптики.

По левую руку, там, где метрах в двухстах трасса, гладкий бетонный забор, несколько крупных строений впритык, а дальше опять забор и склеенные друг с другом хижины. Вижу одну дверь в здании, возможно, какой-то цех или автомастерская, а тут что-то типа места для курения с лавочкой и небольшим козырьком.

Как там говорится – прямо поедешь, на аллею с висельниками попадешь. Эти точно стрелять не будут, но завязну – мертвяков там много, часть из которых уже ковыляет на звуки газанувших мотоциклов.

Додумать мне не дали, за спиной раздался натужный треск байков, и сектанты рванули за мной.

Я чуть задержался и когда был уверен, что уже не промажу, выпустил короткую очередь из «ксюхи», свалил вместе с мотоциклом самого шустрого, который вырвался вперед, и только тогда дал по газам в сторону курилки у здания.

По мне открыли огонь, два байкера остановились, пропуская легковушки, и пытались целиться, а еще два погнали наперерез к забору. Я скорее инстинктивно сжал голову в плечи, надеясь, что стальные инструменты в рюкзаке в случае

чего, сработают за броню.

Меня обогнали слева, парень с лассо, вырвался вперед и теперь ехал вдоль забора, довольно ровно держал мотоцикл одной рукой, а второй разматывал лассо. Второй встроился мне в хвост, и начал обходить справа, всячески подталкивая меня к петле.

Я так лихо водить не умел, поэтому, не отпуская руль, дотянулся до обреза и опер его на прутья защитной решетки, чуть подправил руль, и как только мушка примерно совпала с телом сектанта, выстрелил. Мы сделали это практически синхронно, он метнул лассо, а я нажал на курок.

Хотелось бы мне потом рассказывать мчсникам, как эффектно заряд дробленых монеток снес парня с байка и впечатал в стену забора, но не тут-то было! В лучшем случае парочка осколков достигла цели, балахон окрасился в красный, рука с лассо дрогнула, не долетев до меня какого-то метра, и мотоциклист вильнул, влетев в стену забора. Я, не глядя, одна рука на руле, плюс смена центра внимания, и я бы точно улетел, куда не надо, переместил обрез за спину.

Пальнул, стараясь, по звуку определить местоположения второго. Промазал и даже не спугнул, зато наскочил на какую-то кочку и выронил обрез, хватаясь и выравнивая руль.

Только выровнял, как сразу пришлось тормозить, чтобы не проскочить мимо двери. Спрыгнул с уже медленно двигающегося байка, ушел перекатом в сторону, развернулся, выхватывая автомат в поисках цели. Но преследователя уже не

было, пронесся мимо, увернулся от приближающихся зомби и, поднимая клубы дорожной пыли, стал заходить на разворот.

Оставшиеся два байка и легковушки были на подходе. Я сделал несколько коротких очередей по машинам, заставил их вильнуть, но не остановил.

Я бросился к двери, сбил хлипкий навесной замок и забежал внутрь. Оказался в пустом шиномонтаже, два подъемника, отдельная яма, балансировочный стенд, несколько домкратов и стена со стеллажами битком набитыми старой, абсолютно лысой, резины. В стене выходившей в сторону трассы пара широких металлических ворот, в углу лестница, ведущая на второй этаж в каморку, похожую на подвешенный к потолку транспортный контейнер, только с окнами вдоль стены.

Не заметил опасности и, не высовываясь за дверь, пустил очередь в дверной проем. Точно должен был попасть в кого-то из пассажиров в машине, уж очень плотно они там засели. Перебежал на другую сторону двери, и все так же под углом проверил свой брошенный груз. Кастомный TVS лежал на боку, заднее колесо еще крутилось, а рядом подкрадывались первые зомби. Пофиг, так надежней будет.

Легковушки остановились и оттуда повалил народ с палками, выстроились вдоль забора и стали готовиться встречать зомби, ну или меня, если я попытаюсь сбежать. Мотоциклисты отъехали из-зоны видимости мертвых, спешились

и, прячась за мотоциклами, стали обстреливать дверной проем.

Я отступил вглубь и побежал искать основной выход. Что первые ворота, что вторые, в которых еще калитка была – были запечатаны. Не только толстыми амбарными замками, но и дополнительно перетянуты цепями, а на всех створках и щелях виднелся грубый сварной шов. Сектанты или какие-то прошлые хозяева явно отгородились от трассы, полностью перекрыв основной вход и выход, только прорезали несколько узких окошек на манер бойницы.

В мастерскую ввалился первый мертвяк. Исхудавший, подсушенный негр – даже жалко его стало, а еще я понял, что больше никогда не смогу есть сушеные бананы, как бы не любил их в детстве. Ассоциации теперь уже совсем не те.

Пройти больше метра я ему не дал. Выстрелил в лоб, завалил, выстрелил в следующего, а третьего так и на порог не пустил, прикончил прямо в проеме. И сразу же пришлось прятаться с линии прострела через дверь, две пули чиркнули по бетонному полу, одна просто выбила каменную крошку, а вторая срикошетила в ворота.

Я бросил несколько покрышек на трупы зомбаков, перегораживая вход. И побежал к лестнице, забрался в каморку, нашел там лестницу на крышу, стол и шкафчик, в котором висело несколько балахонов рядом с комбинезонами механиков. Высунулся в окно и пустил длинную очередь в сектантов, пытающихся сдвинуть трупы и раскидать решетки.

Одного убил, второго подранил. Перебежал к другому окну и перезарядился.

Похоже, живые там перебили мертвых, потому что и звуки боя стихли и мной, наконец, занялись всерьез. Не знаю, что это было за племя, каким там богам оно поклонялось и были ли среди них колдуны, но, наверное, то что произошло дальше можно было считать подготовкой к штурму.

Они запели. Точно на каком-то местном наречии, никакой креольский, английский или французский – что-то древнее, мелодично-тягучее и до зубовного скрежета противное. Следом пустили дым – хорошо хоть светошумовыми гранатами не забросали, а просто закинули внутрь какие-то тлеющие пучки сухой травы. Дымок от пучков едва курился, распространяя сладковатый запах, от которого першило в горле. А когда таких пучков стало больше двух дюжин, заслезились глаза, а горло уже драло так, что даже материться не хотелось.

Я полез по лестнице, откинул незапертую крышку и выбрался на крышу. Пустое, ровное полотно с грязноватым, но еще вполне целым пружинящим покрытием. С одной стороны, спутниковая тарелка, с другой пластиковая грязно-белая мебель, можно как и пиво пить, так и в роли часового выступать. По периметру крыши каменный парапет почти полметра в высоту.

Я подкрался к краю и выглянул. Метрах в пяти от входа с закрытыми глазами стоял тучный негр и, воздев руки к небу,

пел. У его ног лежала мертвая курица с отрубленной головой. В метре от него горел небольшой костер, в который два парня помоложе подбрасывали травки и веточки. Несколько человек с тяпками бродили чуть в стороне слева и добивали шевелящихся мертвяков. Нормально они так порубились, тел тридцать там.

На меня вроде никто не смотрел, так что я высунулся чуть дальше, чтобы увидеть, что происходит под дверью. И там оказалось грустнее – по обе стороны от двери, гуськом, почти прижимаясь к стенам, стояли бойцы. Прям спецназ перед штурмом, задний переднего за плечо держит, а в свободной руке либо ствол, либо острый кривой холодняк. Брони нет, если только под балахонами ничего не спрятано, на лицах марлевые медицинские маски, вероятно, защищающие от дыма.

Пение донимало, стало сложнее сосредотачиваться, я зевнул. Скоро уже сутки без сна – так что, надеюсь, что дело в этом, и это никакая не ментальная магия. Общий вид того, что я видел внизу все больше и больше напоминал какой-то сюр. И опять это смешение прошлого и настоящего – туземные маги в холщовых балахонах, но в полосатых кроссовках «адидас» и голубых одноразовых медицинских масках.

Часть с засаленными палками, часть со старыми винтовками из позапрошлого века, у которых до зеркального блеска натерто ложе, так часто их использовали, ну или хотя бы тискали в преддверии боя. А часть с вполне современными

ручными гранатометами.

Толстяк прекратил петь, что-то крикнул и пошел в сторону леса, а сектанты засуетились. Те, что внизу рассыпались в стороны от двери и даже, все так же вдоль стенки, отошли от здания. А один побежал к легковушке, брошенной метрах в пятидесяти, открыл багажник и достал оттуда РПГ.

Я смотрел на все это, будто какое-то кино. Не то что происходит здесь и сейчас, а как в онлайн-трансляции, причем с ощутимой задержкой. О! РПГ, где только взяли? Ха, а пользоваться-то умеют? Хм, а снаряд чего такой странный? Пузатый какой-то, еще бы двухлитровую баклажку пива насадили.

В голове всплывали какие-то мысли, образы, отдельные термины, но мысль обрывалась, не успевая формулировать какие-либо выводы. Вроде ТГБ семь В, вроде помню, что не обычный кумулятив, а что-то там фугасное, термобарическое и осколочное, что от моего хлипкого парапета, а потом и в радиусе десяти метров только щепки с пеплом останутся.

Как же вы меня тогда есть будете?

То ли мысль меня эта рассмешила, а, может, эффект от пения прошел или свежий ветерок дымку, уже проникшую и на крышу, развеял, но меня будто включило.

Но сделать я уже ничего не успевал. Ни поднять автомат, неожиданно налившимся свинцом, руками, ни дернуться, чтобы бежать как можно дальше от края крыши.

Но выстрела не произошло. Точнее произошел, но не из

РПГ. Предположительно со стороны леса, где я видел блик, что-то промелькнуло и голова гранатометчика дернулась, выбрызгивая кровавые запчасти мозга через дырявый лоб.

Вот это спецэффекты! На меня опять начало накатывать, но вместе с тем пришла какая-то злость. Ощущение, что кто-то веселится, но без меня. Что надо успеть и подключиться к празднику. Я приподнялся, взял в руки автомат и начал палить по головам сектантов, которые все еще толпились под стеной, не понимая, что произошло с их напарником.

Просто какой-то ленивый тир. Сверху в головы и спины. Первыми, выбил тех, кто с огнестрельным оружием с обеих сторон. Потом, как бегущих зайцев, погонял оставшихся. Пристрелил толстяка, решившего, что в лес бежать не стоит, но надо опять начинать петь. Он как вскинул руки, обращаясь к небу, так и рухнул. Не сработала твоя магия против калибра пять-сорок пять.

Самых шустрых отпустил и не стал добивать тех, кто пытался спрятаться в здании, но задохнулся в кумаре. Я их потом уже нашел, переждав немного пока рассеется дым и соорудив себе тряпичную маску из отрезка футболки. Они лежали скрюченные в собственной блевоте с выпученными глазами. Мерзко было, но не особо жалко.

Перед тем как спускаться, я помахал рукой своему невидимому помощнику. Кто это был, я не знал, утверждать, что видел марево в лесном просвете, тоже не берусь, забористой все же херней сектанты травить пытались.

Как не жалко было бросать доработанный Саедом TVS, но все-таки принял решение поменять его на трофейную «Хонду» АХ-один. Бодрый экземпляр попался белого цвета с небольшой вмятиной на глушителе. Да и то он пободрее выглядел, и внушал оптимизм в потенциальных гонках по бездорожью, да городским преградам.

Обкатал его, привыкая, подобрал обрез, перегрузил седельные сумки и, спрятав, в автомастерской TVS, вернулся на трассу. И через час покатушек по лютой жаре и безлюдным улицам, которые я выбирал специально, уже стучался в ворота лагеря МакФерси.

Встречали меня будто какого-то героя. Не все конечно, только врачи. Но они были ценнее всех. Я сдал все, что нашел, слегка прифигевшей врачихе, а потом выловил фельдшера и попросил осмотреть меня на тему отравления наркотическими травками. В ответ получил рекомендацию поесть и хорошо выспаться.

Убедился, что у Сани появился приличный шанс, проведал спящего Вадика и перекинулся парой слов с Валькой, уже заступившей на дежурство на стене. Отыскал Саеда, попросив поколдовать еще и над «Хондой» и отдал ему ключи, чтобы он перегнал ее в гараж, в котором теперь занимал чуть ли неруководящую должность. Потом отвоевал Читера у детей и вместе с ним отправился в столовую. Пока ел в импровизированной столовой, пришлось отчитаться МакФерси и Джерри, как все прошло.

Рассказал им про секту каннибалов, как новую потенциальную опасность для выживших. Но умолчал, где конкретно я добыл лекарства и что мне кто-то помог. А потом завалился спать.

* * *

Лагерь МакФерси. Западный район Фритауна. 27 марта 05:42

– Эндрю! Русский, просыпайся, – голос Джерри особо неприятно продирался в гудящей голове, будто с похмелья. – Как у вас говорят? Кто рано встает, того и сапоги?

– Тапки, – я потер глаза и сел, – Сколько времени?

– Скоро шесть, вставай давай, – Джерри говорил громким шепотом, стараясь не разбудить остальных мчсников, но при этом старался не приближаться ко мне вплотную. – Дело есть.

– У меня свои дела, так что иди лесом. Я, и так, день уже потерял. Мне алмаз надо искать.

– Так это и хотел обсудить. Сообщение от Дугласа пришло.

– Все живы? Сделка в силе? – я напрягся, прикидывая, как

дотянусь до Джерри ножом, который лежал под подушкой.

– Не паникуй, все в силе, – он подсел рядом со мной и понизил голос, потому что в палатке кто-то зашевелился, просыпаясь, – И даже есть хорошие новости.

– Не тяни, а…

– Дуглас впечатлен тем, сколько лекарств ты смог добыть, – Джерри замолчал и внимательно посмотрел на меня, при этом положив руку на кобуру. – Теперь нужно повторить и достать не меньше и для «Глобал даймонд корп».

– А жопа у Дугласа не треснет? Такого уговора не было, у меня времени мало.

– Я не всегда понимаю, что ты хочешь сказать. Некоторые фразы не имеют смысла, но Дуглас не просто так это требует. Взамен он готов продлить срок, а если поставка будет более чем достойная, то, может, и отпустит кого-то из заложников.

– Сестру?

– Нет, – Джерри слегка улыбнулся и протянул мне сложенный листок бумаги. – Ее нет, она слишком важна. В общем, возвращайся туда, где все нашел. Я так понимаю, ты сорвал джекпот. Так что тебе будет легко добыть и принести все, что сможешь из этого списка. И не глупи, и не пытайся что-то мудрить. Дуглас просил передать, что следующая пуля может быть не в гранатометчика, а в тебя. Он сказал, что ты поймешь.

Глава 4

Я проводил взглядом, удаляющегося и негромко насвистывающего какую-то прилипчивую мелодию, Джерри. Повернулся к соседней койке и улыбнулся проснувшемуся Вадику.

– Как ты?

– Норм, вофми меня на вылафку, – он уселся рядом, – Ты там уфе был, то ефть, там бефопафно, да?

– Ну как тебе сказать?

– Понятно, – Вадик вздохнул, – тогда тем более одного тебя не отпущу. Ефли Леонидыфа отпуфтят, то я рифкну.

– Ша, решим. Ты не в курсе, есть в лагере гранатометы? Зенитки? Может ДШКМ? Я знаю, что они стоят на вооружении в Сьерра-Леоне.

На каждый мой вопрос Вадик отрицательно мотал головой.

– Нет? Или не знаешь?

– Три дня нафад не было, Леонидыф как раф отвефал за поифки крупных пуфек для обороны лагеря. На фавтрак у наф время ефть?

– Есть, но немного, мне еще надо позвонить.

Вадик бросил на меня сочувственный взгляд и потянулся

с явным намерением потрогать лоб, не перегрелся ли я. Но нарвался на более многозначительный взгляд, махнул занесенной рукой и пошел к коробкам, спасатели хранили продукты и стояла небольшая газовая плитка.

Как только там что-то зашуршало, откуда ни возьмись объявился Читер и стал метаться между мной и Вадиком, рассчитывая на угощение. Я размялся, умылся, прицепил томагавк на ремень и, чувствуя себя чуть ли не голым, пошел будить МакФерси.

Ожидаемо, мне ничего не дали, не из вредности, а оказалось, что МакФерси еще даже не ложился, а потому что действительно ничего не было. Пулеметов и то всего три штуки и все на периметре, плюс в техничках, но про них командир лагеря даже говорить не стал. Выдали немного патронов для “коротыша” и почти полную пачку картечи двадцатого калибра.

И на том спасибо, хотя я сомневаюсь, что они Егерю хоть какой-то урон нанесут. Надо что-то искать или выдумывать.

Пока ели, разогретую Вадиком перловку с тушенкой из запасов мчсников, все думал о сестре и о Дугласе. Наивно было бы думать, что Дуглас просто так меня отпустит, но то что приставит следить “призрака”, я не ожидал. То, что он поддержал один раз, не значит, что поддержит второй. А вот то, что как только я выйду на алмаз, меня просто выкинут из сделки, очень даже возможно. Что потом будет с сестрой, даже думать не хотелось.

Вадик все-таки увязался за мной, пообещав предоставить нам средство передвижения. Мою новенькую хонду Саед настолько лихо взял в оборот, пока я спал, что сейчас на ней можно было только детям внутреннее устройство мотоцикла показывать. Но сказал, что за пару дней управится.

А вот Вадик удивил. Помимо машин общего лагерного пользования у него оказалась заначка, спрятанная в одном из гаражей на соседней улице. Ни разу не боевая, но юркая и в приличном состоянии трехдверный «Ниссан Альмера», примерно тех годов, когда мы с Вадиком только в школу собирались. Но на ходу и с хорошим тихим глушителем, без каких-то примочек-прямоточек или проржавевшего катализатора.

Спрятать Вадик толком ее не смог, просто примкнул к забору, а сверху завалил большим куском профнастила, вырванного из того же самого забора только дальше по улице и задвинув мусорными контейнерами. Двух зомби, что терлись возле нее, мы по-тихому зарубили топорами.

Топор у Вадика был из набора спасателя, поясной пожарный, и мне даже показалось, что более эффективный, чем у меня. По крайней мере, череп зомбаку он раскурочил практически надвое, а замах у него был даже меньше. Помимо топора за спиной у Вадика висел пятисотый «моссберг», а в кобуре на бедре пистолет Стечкина.

«Альмеру» Вадик завел без ключа, повозившись в проводах под рулевой колонкой. И всю дорогу до церкви с голу-

бятней рассказывал мне о планах модернифафии «ниффана» и хвастался своими автожуликовскими навыками. Может и врал, но водил неплохо, лихо маневрируя между бродившими под солнцем мертвяками.

Тачку мы загнали во двор церкви и вместе отправились внутрь. Зачистили церковь, положив восьмерых зомбаков внутри, и еще четверых, подтянувшихся на выстрелы, на улице. Я забрался по лестнице, с опаской оглядывая потолок на наличие зомби птиц, не знаю, правда, что я ждал – что голуби, как летучие мыши вверх лапками за балки цепляются, а на пол у них кровь из заточенного клювика капает.

Но нет, вообще ни одной птицы не увидел, а вот покойничек был на месте и лучше не стал выглядеть и все еще продолжал пованивать.

Ксюха взяла трубку практически сразу, но вместо стандартной ругани просто всхлипывала. И даже, когда я сам стал кричать «алле», «тебя не слышно», продержалась еще минуту, а потом разрыдалась.

Мда, хотелось бы, чтобы все оказалось проще, но нет – пришлось сначала извиняться, что на «смертный» бой уходя, только смску отправил, и выслушивать все, что Ксюха думает про дебилов парней, бросающих девушек таким образом. И видать, на больную мозоль наступил.

Потом еще извиняться, что пропал почти на два дня, не отчитавшись, что живой. И так несколько раз по кругу в промежутках между рассказами о Кате, «Глобалах» и условиях

сделки.

– Космос, ты козел, – Ксюха, наконец, успокоилась. – Еще раз так поступишь, просто больше трубку не возьму.

– Хм, как же ты тогда новости узнаешь?

– Мирный расскажет, или Бамос…

– Подожди, они тут что ли?

– Нет, еще. Но идет какая-то движуха. У меня доступа пока нет, но, судя по всему, «Глобал Корп» при всей своей крутости, деньгах и возможностях не может ни в каком виде, ни людьми, ни даже грузом, покинуть Сьерра-Леоне. Морем не пройти, там наши блокаду держат, а как ты помнишь «Русалмаз» с «Глобалами» так и не нашли общий язык и, в общем, им там закрыта дорога.

– А воздухом? Гуманитарка-то летает.

– Только в одну сторону, в остальном сбивают все, что крупнее чайки, даже без предупреждения. Остаются пешие маршруты, там тоже жестко, но и из Либерии, и из Гвинеи можно что-то придумать. Вот наших сейчас туда и хотят отправить, будут плацдарм готовить да эвакуационные коридоры прорубать по горам и джунглям. В деле не только бывшие «Красные волки», но и несколько подразделений «Глобалов». Стягиваются сейчас со всего света для перегруппировки. Так что держись, Мирный просил передать, что мы тебя не бросим. Платон косится, может и подозревает что-то, но пока молчит.

– Передай Мирному, пусть не рискуют, – я задумался как сказать, – Здесь все не так, как мы привыкли. Не стоит оно того.

От разговора отвлек Вадик. Поторопил и сказал, что в зоне видимости какое-то возбуждение у мертвяков, могут толпой нагрянуть.

Пришлось закругляться, хотя признаюсь, простой разговор с Ксюхой имел терапевтический эффект. Пусть на мгновение, но ненужные черты Фритауна, паразитов и мертвяков стирались, создавая ощущение нормальной жизни. Может и хорошо, что на границах жесткачат, не нужно, чтобы зараза дальше вырвалась. И «глобалам» по-хорошему, надо бы обломать их коридоры.

Перед прощанием попросил Ксюху повторно прислать координаты интересных мест, которые она собирала по Фритауну и где, в теории можно было попытаться найти полезные крупнокалиберные и взрывоопасные ништяки. Попрощался, и пока данные грузились, отправил смску отцу – теперь уже наоборот, с родителями не готов голосом общаться.

«Привет! Катю нашел, она в безопасности. Выбраться пока не можем, все границы на замке. Держитесь там с мамой, мы приедем, как только будет возможность. Связь очень плохая, если получится, то позвоним или напишем. Обними маму от

нас с Катькой. Любим!»

Внутри что-то екнуло, но врать родителям все-таки не впервой. Да и лучше так, чем правду говорить и объяснять. Может и себе вру, но в глубине души считаю, что лучше в тюремном бункере посидеть, чем с каким-нибудь прыгуном или циркулем за углом встретиться. Так что и не врал, говоря, что, Катя в безопасности. По крайней мере, пока я «глобалам» нужен.

Я высунулся в окошко, огляделся. Если следят, то, скорее всего, с дрона, а «призраки» не рядом, но на подхвате.

Вадик уже не звал, а сам забрался наверх и стал что-то тихо объяснять. Только я вообще ничего не понял в его шепелявом шепоте. Зато увидел в окно мигрирующую по улице толпу шаркунов и сразу все понял. Внизу уже отчетливо слышались шаги, нестройный гул шаркающих ног, будто кто-то наждачкой трет.

Прям толпа, я такое только в метро видел, да на выходе со стадиона, когда поток сужают, чтобы по газону не ходили. Растянулись на всю улицу, в основном бездумно бредут, но в толпе заметны какие-то не до прыгуны – тела еще не сформировались, но резкие и скоростные, мечутся по улице, как провокаторы какие-то, ищут, до кого бы докопаться. В церковный двор тоже зашли, облепили «альмеру», а несколько тел ввалилось и внутрь здания.

Мы с Вадиком тихонько переглянулись и, не сговариваясь, подтащили труп к лестнице, забаррикадировав им вход.

Выставили стволы и стали ждать. Если сунутся, то будем палить.

Несколько шаркунов засекли труп, стали тянуться к нему, но было высоковато. Вадик предложил спихнуть тело вниз, но решили подождать и не рисковать, а то вдруг привлечем больше внимания.

Ждать пришлось почти двадцать минут. Пока почти вся толпа не прошла и не скрылась за углом, оставив небольшой десант в церкви. Я за это время успел изучить данные от Ксюхи. Много интересного нашел.

И военную часть, и базу местного спецназа, несколько охотничьих магазинов, даже наводки на адреса местных бандитов, ранее судимых за торговлю оружием, но все самое заманчивое на другой стороне города. С нашей стороны только полицейские участки, давно разграбленные, нефтебаза Соломона, где точно было оружие, но идти туда я не собирался и странная точка, помеченная как: «Королевское общество охотников и рыболовов. Западноафриканский филиал джентльменского клуба «Буддлс»».

– Вадик, хочешь в клуб? – я шепотом позвал напарника.

– Какой?

– Джентльменский. Буддлс.

– Да, кто фе наф туда пуфтит? Это фе Буддлс!

– Ты не перестаешь меня удивлять, – я посмотрел вниз на застывших зомбаков и понял, что шуметь сейчас все равно

придется, так что можно уже не шептаться. – И чем же он знаменит?

Оказалось, что многим. Один из старейших в Англии, чуть ли не с тысяча семьсот какого-то года. А его членами в свое время были и Уинстон Черчилль, и Ян Флеминг, а еще муж какой-то дамы, которую Вадик тренировал (и не только) в недалеком прошлом. И вот эта дама как раз Вадику про него и рассказала, жалуясь, что ее муж не берет туда с собой.

Эта информация мне уже была лишняя, но Вадик разошелся, рассказывая, чем еще знаменито королевское общество охотников и рыболовов. Заткнулся только тогда, когда мы пошли на прорыв. Скинули тело, прыгнули следом, активно работая топорами и при необходимости подключая дробовики.

Работали на скорость, уже не заботясь о шуме и контроле зомбаков. Как шар для боулинга сквозь кегли, прикрывая друг друга, прошли через группу шаркунов и уже, буквально через минуту газанули по пустой улице в сторону трассы.

Не доезжая несколько километров до лагеря миротворцев, свернули направо, уходя в северную часть пригорода к Национальному парку в район под названием Кебби Таун. И еще через полчаса парковались возле трехэтажного здания по стилю и оформлению будто вырванного из промышленного района Лондона позапрошлого века.

Домик выглядел, на мой взгляд, странно. Скорее всего,

архитектор планировал построить замок с крепостной стеной и башнями, но не вышло. Башни были, как минимум две, в виде эркеров выступали окнами вперед, между ними примерно метровый проем… и все. То есть по сути, строители вплотную поставили четыре шестиугольные башни, соединив их проемами, а сверху на уровне третьего этажа достроили широкую веранду.

Окон много, но все в решетках, как и входная дверь. Над входом старая дубовая вывеска с какими-то гербами и названием общества. А еще чуть пожелтевшая от солнца бумажка с информацией, что клуб временно закрыт уже три месяца.

И закрыт, причем наглухо. Дверь, как влитая, будто на засовах изнутри. Решетки на окнах прочные, даже если трос найти и к «Альмере» прицепить, счет не в пользу машины может оказаться. Пришлось лезть, с решетки на карниз, потом на решетку второго этажа, а оттуда на веранду. Дверь там тоже была, но попроще, и я смог ее выбить.

Вошел внутрь и действительно, будто в другое измерение попал и во времени, и в пространстве. Массивная дубовая мебель, на стенах старые картины с какими-то видными деятелями, узнал только Черчилля, но пафоса во взглядах остальных было столько, будто премьер-министр на их фоне щенок какой-то дворовый. На третьем этаже была курительная или сигарная, фиг его знает, как в таких клубах это называется. Часть стены занимал большой стеклянный шкаф с полками, заполненными коробками для сигар. Ими и пахло,

только с примесью затхлости и мертвечины, тянувшегося с нижних этажей.

Я вышел из комнаты, бегло осмотрел остальные помещения – две отдельные спальни и небольшую библиотеку и спустился вниз. Медленно, по ступенечке, сканируя пространство на любую неожиданность. Но тишина.

На втором этаже располагался зал, раза в два больший чем сигарная комната. Все та же полированная дубовая мебель, глубокие кожаные кресла, а вместо картин на стенах висели чучела животных. Головы в основном – лев, носорог, гиена и прочие представители Африканской фауны. В углу на постаменте лежали слоновьи бивни, и стояло чучело еще одного льва, только целиком. А на стене висели старые черно-белые фотографии, на которых важные додики в смешных пробковых шлемах, шортах и гольфах стояли рядом или над поверженным животным. А с другой стороны у окна, занимая почти весь эркер, стоял черный рояль.

Стеклянный шкаф здесь тоже был, но уже не с сигарами, а с ружьями. Аж руки зачесались, настолько захотелось вскрыть этот шкаф. Но надо было впустить Вадика и осмотреть дом до конца.

На первом этаже в одном лице нашелся и источник трупного запаха, и местный обитатель. Не скажу, что владелец, скорее старый верный дворецкий. Сморщенный тощий старичок в смокинге и белых перчатках лежал в коридоре перед дверью с дыркой в голове. Судя по следам укуса на шее, по-

ложению тела и валявшегося рядом небольшого револьвера – сам себя приговорил.

Навел порядок, запер двери, зачем-то подготовил поднос со стаканом и бутылкой тридцатилетнего «гленфиддика», оставив его на комоде у входа, приоделся и ушел, но пост свой не бросил. Это даже было трогательно, хоть и безумно.

Я выглянул в окно, убедился, что гостей, кроме Вадика, нет и отпер дверь. Реально аж четыре скрипучих засова – открыть и закрыть обратно за Вадиком.

Поручил Вадику осмотреть первый этаж, а сам вернулся наверх к шкафу с оружием. Было заперто, но церемониться я не стал – разбил рукояткой обреза и потянулся к висящему в скобах двухствольному штуцеру.

Я его еще издалека заметил. Такую слонобойную дуру сложно было не заметить. Я прочитал надпись на гравировке: W. J. Jeffrey. Легендарный шестисотый Нитро Экспресс, тот самый, что слона на скаку остановит. Я читал про него, и про вес в семь килограмм, и про то, что слон от попадания на несколько минут вырубается, и что отдача такая, что кровь из носа и ушей течет после выстрела.

Действительно, тяжелый, но ухватистый. Я подергал за рычаг под рамкой спускового крючка, приноровился и переломил штуцер – не заряжен. Защелкнул обратно, упер в плечо, прицелился в чучело и поводил плечами. Патроны бы найти, а то пустой держишь в руках, а, несмотря на тяжесть плечи будто распрямляются, будто изнутри уверенность на-

ружу прется.

Я отнес штуцер к окну и положил его на рояль, а сам вернулся к шкафу и стал потрошить выдвижные ящики. Не то, не то, это пригодится (обрез нужно почистить), это опять в топку, это может быть Вадик заберет, кожаный подсумок для патронов на ремень, сразу надеваем, а где же сами патроны?

Бинго! Две картонных коробочки по пять патронов или как написано на пачках – картриджей. Тяжеленькие, под триста граммов пачка, по размеру как небольшие сигары. Очень, надеюсь, что рабочие. Это же клуб джентльменов – тут просрочки не должно быть, да и смотритель-дворецкий явно к своей работе ответственно относился.

Зарядился, забрал штуцер и поменялся с Вадиком: он шмонать шкафчики, а я пошел на кухню, которая была на первом этаже. Перекусил из того, что было с собой, и нашел два широких стакана для виски.

Дождался Вадика в коридоре и вручил ему бокал с налитым виски. Налил и себе, а потом забрал с подноса третий стакан и капнул туда на пару нормальных глотков. Вернул его на поднос и поставил на пол рядом с дворецким.

– Давай, дед, это будет славная охота.

Глава 5

Я рассказал Вадику и про секту каннибалов и про черепашку-Егеря, обрисовал всю степень опасности и предложил ему вернуться в лагерь. Но либо он действительно сильно изменился и перестал быть тем болтливым и напыщенным пляжным спасателем, либо еще не отошел от зарубы в церкви да той халявы, что мы собрали в охотничьем клубе. Так что на мое предложение, он, не отрываясь от руля, лишь посмотрел на меня взглядом в духе: «Ну, Космос, что ты за душнила? Нормально же общались?» А потом вынул из рюкзака трофейную сигару, зубами откусил кончик и, уж не знаю, кого пытался изображать, несколько километров, пока мы объезжали потенциальные владения секты, дымил и плевался вонючей сигарой.

С сектой надо еще будет разобраться. МакФерси не обрадовался, услышав, о таком соседстве – к банде Соломона на западе теперь и сектанты на востоке. И если с Соломоном образовался какой-никакой нейтралитет, то что ждать от сектантов – непонятно. Доедят остальных выживших в округе и за людей МакФерси примутся.

А выжившие в городе все еще были.

Мы видели группу бомжеватых мародеров из местных на Лиддел-стрит. Позже заметили замаскированную огневую точку на съезде к заправке у дороги, где нас проводили на-

стороженными взглядами несколько вооруженных человек. А когда мы проезжали район Глостер из-за здания почтового отделения нам, буквально под колеса, бросились две женщины.

Вадик ударил по тормозам, чуть не задавив их. Я выскочил из машины, и не глядя на женщин, перебрался под защиту массивного козырька над входом на почту и стал оглядываться в поисках возможной засады. Но ничего не произошло, ни стрельбы, никаких посторонних криков, кроме тех, что издавали женщины. Стояли вплотную перед капотом, подняли руки и, подвывая на разных языках, стали просить помощи.

Не местные, очередные экспатки или командировочные, а, как оказалось позже, миссионерки-учительницы из Дании. Лидия и Ребекка – молодые, не старше тридцати лет. Милые добрые, но с сильно уставшими лицами – блондинка и рыженькая. Очередные активистки, верящие, что мир не без добрых людей и что его можно сделать лучше. Я не стал их разубеждать и объяснять, что не стоит выбегать к первым встречным. Но отчасти был рад, что первыми встречными оказались мы, а не сектанты, которым отсюда было не больше пяти километров.

Начало эпидемии девушки встретили вместе с целым классом детворы, выехав в поход то ли на катамаранах, то ли плотах. Природа, уединение на пляже, изучение естествознания и возможность ночевки на воде, по сути, спасло их

жизни. Но теперь, без еды и с кучей школоты, рыдающей без родителей, они уже не знали, что делать и отправились искать помощь.

Всего в их лагере было четыре женщины и пятнадцать детей в возрасте от десяти до четырнадцати лет. Прям мечта Джерри про новых жителей лагеря, но мы все равно связались с МакФерси, передали координаты, а он пообещал прислать эвакуационную команду.

Мы проводили их до лагеря и отдали всю еду, что была с собой. Строго-настрого даже довольно жестко, иначе нас никто не хотел отпускать, приказали сидеть тише воды ниже травы и ждать выживальщиков. Еле вырвались, а потом еще минут десять прогоняли от машины рыженькую, которая ни в коем случае больше не хотела оставаться без помощи. Но Вадик, черт его знает, как он это делает, да еще и шепелявя, обаял, уболтал и успокоил, пообещав, что все будет хорошо.

В итоге к миротворцам приехали только за полдень. Остановились метров за сто до въезда, выбрали хорошую точку обзора и, не глуша двигатель, сидели и потели в машине. Я помнил, что у сектантов есть РПГ и понимал, что мы были прекрасной и уязвимой целью, но хвоста за нами не было, а Егеря я опасался больше.

– Фсе, поефали, или у меня яйца в крутую фейфас фварятфя, – Вадик высунулся в открытое окно, но тут же дернулся обратно, обжегшись о раскаленный металл, – Нет там

никого, мофет на офоту уфел?

– Вижу, что нет никого. Но контейнеры не проглядываются, и за домиками слепая зона, – я поудобней перехватил штуцер, хоть и короче он обычного ружья, все равно неудобно в кабине по сторонам махать, – Ладно, все запомнил? Въезжаем по прямой, через пятьдесят метров сворачиваем к домикам и паркуемся так, чтобы быстро залезть на крышу в случае опасности.

– Беф фопливыф рафберуфь, фделаем это!

Вадик, переключил передачу, тронулся и, на всякий случай то виляя, то притормаживая поехал к воротам лагеря. И пока все было тихо. Ни неожиданной стрельбы из укрытий, ни рева монстров, ни криков неизвестных «чаек».

Даже расслабило немного. Егерь может быть на вылазке, явно, что поблизости добычи уже нет для него. И в таком случае все просто – вошли, набили багажник полезностями и также быстро вышли.

Но стоило въехать на территории лагеря, как все пошло не по плану.

Егерь атаковал сразу же. Уж не знаю, кто тут на кого охотился, но эта зараза пряталась в тени домика, заменявшего КПП. И как только «альмера» пересекла линию ворот, справа мелькнула тень, а в следующее мгновение в машину, как тараном, влетело бронированное тело монстра.

Едь мы чуть медленней, удар пришелся бы ровно в мою

дверь. Но мне и так прилетело, за шиворот посыпалось битое стекло, сиденье вжало вперед покореженным металлом. А я налетел грудью на панель, ударился о приклад штуцера, выбил им окно, но из рук не выпустил. Машину вмяло, подбросило и перевернуло. Вадик только и успел заорать что-то в духе: «Нофорог, бляяя», как его заткнуло хлопнувшей подушкой безопасности.

Может и носорог, но точно не черепашка. И по скорости, и по мощи. Перевернув машину, Егерь принялся крушить ее ударами сверху. Бил руками-молотами, как какая-то горилла, рыча, как безумный. С каждым ударом машина все больше просаживалась к земле, норовя похоронить нас с Вадиком внутри. Охая от боли, я перекрутился в тесноте, пытаясь выбраться из-под груды мусора, сыпавшегося из перевернутой машины. Повсюду были сигары, даже не знал, что Вадик столько их набрал.

Что с напарником было непонятно, из-под подушки слышалась возня, откуда-то капала кровь. Я зацепил Вадика, пока сам барахтался, и ругань сменилась на вопль боли. Главное, что, жив. Я сам был не лучше – болела вся верхняя часть тела, горел лоб, кровь капала на глаза, но переломов я не чувствовал. Крутился, царапая руки, но выталкивал себя через разбитое лобовое стекло.

Выбрался, пошатываясь прислонился к бамперу и поднял штуцер в сторону Егеря. Он будто не замечал меня, продолжая крушить машину. Я выстрелил.

Возможно, совершив очередную ошибку.

Семь килограмм, шестисотый нитро-экспресс, калибр, который способен свалить слона, так же легко, как и разобрать на части самого стрелка. Будь я в норме, мог бы справиться с отдачей. Да, может, плечо бы отбил, может, даже отшатнулся, удержав равновесие. Но в форме я не был.

Нитро-экспресс пришелся Егерю по касательной вбок, почти в подмышку в момент очередного замаха. Пробил насквозь, сотворив дыру в ребрах и выбив ошметки и части вросшей в спину винтовки. Мутанта отбросило на несколько метров, а где-то в лагере истошно взвыли «чайки».

Что было дальше, я уже не видел. Штуцер лягнул в плечо и вырвался из рук, меня развернуло и опрокинуло на землю. А когда я, мотая головой и подволакивая руку, смог встать, мутанта уже не было. Только коричневые следы больше похожие на гнойные пятна, а не на кровь, уводили куда в сторону домиков.

Я потрогал плечо, было больно, но не смертельно. Наоборот, от боли в голове стало проясняться быстрее. Синяк будет здоровый, но ни вывиха, ни перелома не чувствую. Стал двигать рукой, разрабатывая плечо, аж слезы сначала брызнули, но через несколько махов, стало отпускать. Пальцы слушаются, в локте сгибается, кости наружу не торчат – так что прорвемся.

Я поднял штуцер, хоть и не был уверен, что смогу выстрелить второй раз прямо сейчас, и пошел проверять Вадика.

* * *

– Бля, я как в том анекдоте, – Вадик запихнул в нос два ватных тампона, пытаясь остановить кровь.

– В каком? – я распотрошил пачку фентанила и достал уже второй пластырь, задрал рукав футболки и стал приклеивать прозрачную пластинку. Надо бы только не переборщить, все-таки опиоидный анальгетик.

– Ну, том фамом, где муфик говорит: пока подуфку бефопафнофти прогрыф, лоха упуфтил, – Вадик попытался засмеяться, но быстро скривился от боли и протянул руку, – Дай-ка мне тофе.

Мутанта не было ни видно, ни слышно уже минут пятнадцать, но я не верил, что тварюга просто заползла куда-то и сдохла.

Вадика тоже помяло, но не смертельно, только подушка безопасности дополнительно сломала нос и разбила губы так, что красавчиком его еще долго не назовут, а запланированное свидание с рыженькой точно придется отложить. Не знаю, как ему пришлось в остальном, но больше его беспокоил именно факт пролета с новой знакомой.

Выбравшись из машины и подхватив основные вещи, мы спрятались в домике с лекарственным складом и теперь, как

могли, приводили себя в порядок.

– Готов? – спросил скорее себя, нежели Вадика. Надо прикончить монстра, пока обезболка действует, потом откат будет такой, что не то что штуцер, обрез поднять не смогу, – Пойдем, а то лох не мамонт, он не вымрет.

Выдвинулись. Я впереди со слонобоем, Вадик прикрывает с «моссбергом». Вернулись к машине и пошли искать подранка. Следы гнили, вытекшей из мутанта, вывели нас на парковку с грузовиками, потом дальше к контейнерам, а там оборвались.

Егеря мы сначала услышали – тяжелое сиплое дыхание, с периодическим подсвистом. Может, он и регенерирует, но дырку в легком еще не затянул. Он был где-то рядом, через контейнер или, максимум, через два.

Что-то хрустнуло под ботинком, закричала, будто сигнализация, «чайка», и в следующее мгновение в просвете между контейнерами мелькнула черная тень. Но когда мы дошли до угла, никого уже не было.

Я ворочал штуцером из стороны в сторону, выглядывая из-за углов и переходя от контейнера к контейнеру, понимая, что каждый раз делаю это все медленней и медленней. Нет, так дело не пойдет. Раненая тварь либо играет с нами, либо заманивает туда, где у нее будет преимущество.

Я подозвал Вадика и шепотом обрисовал ситуацию, за-

одно посоветовавшись и убедившись, что правильно представляю направление, откуда мы слышали крики «чаек». Если есть у Егеря какой-то условный напарник, то надо с ним разобраться первым делом.

Мы вернулись к первым контейнерам, сдвинулись к забору, чтобы хотя бы одну сторону контролировать, и пошли в обход. Прошли первый ряд, второй, а в районе третьего заметили какой-то мусор. Я бы сказал, человеческий мусор: обрывки одежды, обувь, рваный рюкзак, рваные лямки от разгрузок. Плюс оружие, много устаревшего и старого оружия – похожее на то, что я надеялся добыть в контейнере с «эхом войны». Валялось гнутое и покореженное как целиком, так и отдельными кусками. Все это либо сбрасывали охапками, либо пытались собрать в кучи специально, и, похоже, что довольно давно. Мусор покрывал слой песка, пыли и какой-то белой плесени.

Трогать ничего не стали, намного интересней был контейнер с запыленными наклейками в духе: не кантовать, оружие, взрывчатка, осторожно. Контейнер был закрыт, Вадик попытался проверить замок, но тихо не вышло. Заскрипел металл и метрах в пятнадцати от нас раздался визг с тревожными нотками.

За спиной послышался грохот, что-то здоровое гремело прямо по крышам, перепрыгивая с одного контейнера на другой. И неслось в нашу сторону. Над головой взметнулась тень мутанта, Вадик успел выстрелить, вроде даже попал,

но без какого-то эффекта. Мы услышали, что Егерь тяжело спрыгнул на землю, и встали спина к спине, контролируя углы.

Я сделал шаг вперед, уперся покрепче ногами в землю и стал ждать, а как только плечо мутанта появилось из-за края контейнера, прицелился, покрепче вцепился в цевье, сосредоточился и выстрелил. Шарахнуло! Мутанта развернуло и отбросило за угол контейнера.

Левая нога поднялась, я качнулся, но выстоял и слегка оглох, потому что визг «чаек», который разнесся по округе, лишь слегка скрипнул по ушам, будто стекло царапнули. А вот Вадика скрутило, он упал на колени и схватился за уши.

Я подкрался к краю контейнера, стараясь одновременно и прикрывать сторону Вадика и не терять контроль со своего угла. Выглянул и увидел спину Егеря, мелькнувшую метрах в сорока у кухонной палатки.

Перезарядился, проверил Вадика и, пока слух не вернулся, бросился на визги. Пробежал мимо двух закрытых контейнеров, все больше убеждаясь, что звук идет именно из того, где Леха выдал мне ТТ.

Под ногами попадалось все больше поломанных винтовок. Но когда я, наконец, завернул за угол и уставился в распахнутые двери контейнера, все мысли о причинах их появления, просто вылетели из оглушенной головы. Жаль только тошнотворные запахи я все еще чувствовал.

В центре распахнутого контейнера, в копошащейся мас-

се каких-то жгутов или корней находился брат-близнец бутона, с которым я уже встречался в больнице Коннаут. Только, похоже, младший, на две головы ниже и пророс он из кого-то белокожего. Тот же силуэт с пастью крокодила, вывернутые ребра, обросшие мясом, грязный позвоночник с черепом, вываленный наружу, будто язык.

В отличии от бутона в Коннауте этот явно выглядел моложе, на черепе еще остались обрывки кожи и пучки слипшихся волос. И да, похоже, это не брат-близнец, а сестра. Как и в больнице, у бутона были щупальца и отростки. Один медленно, но целеустремленно тянулся в мою сторону, а еще несколько уходили вглубь контейнера, где в полумраке из-за бутона выглядывали и визжали три бледных головы.

Я сдвинулся, отступая от щупальца и пытаясь рассмотреть, кто там в глубине. Грязные лупоглазые тетки, назвать женщинами, этих мутанток язык не повернулся. Какая-то жуткая смесь бомжей и призрачных банши хором, открыв беззубые рты, визжала в мою сторону. Выпученные глаза светились, вместо носов темные провалы, тощие плечи и огромные вздутые животы, закрытые каркасом из ребер. По моей внутренней классификации, если все эти паразиты хоть как-то близки к муравьям, то этих теток, я причислил к “нянькам”.

Егеря я скорее почувствовал. Смазанная тень мелькнула на границе зрения. Пасть раскрыта в безмолвном рыке, правая рука повисла плетью, левая тянется ко мне. Прыжок, гра-

циозный, слишком легкий для такой громадины, и он уже на несколько метров ближе. Что-то прилетает в него сбоку. Это Вадик – идет по крыше контейнера, палит из «моссберга» и что-то орет после каждого выстрела.

Но Егерь не реагирует. Часть дробинок дождем пролетает спереди и сзади мутанта, часть застревает в бургах брони, но неспособна даже сбить его с курса. Я не успеваю развернуться и перенести ставший враз таким тяжелым штуцер. Я вижу все, осознаю, будто в замедленной съемке, но не успеваю.

Еще один прыжок, и Егерь просто снесет меня здоровой лапой.

И он прыгнул!

Я давлю на спусковой крючок.

Шестидесяти граммовая пуля разносит вдребезги бледную голову, визжащей «чайке». Даже сквозь грохот нитро-экспресс я слышу, как изменилась тональность в вопле оставшихся двух. Отдачу я все-таки не выдерживаю, меня отбрасывает назад и в этот же момент мимо меня, в том месте, где я только что стоял, проносится перекошенная морда Егеря.

Он моментально вскакивает, но бросается не на меня, а бежит в контейнер.

В тот же момент рядом со мной оказывается Вадик, подхватывает штуцер, и, явно не понимая, что такое слонобой, вскидывает его и стреляет в затылок Егерю.

Они оба разлетаются в разные стороны. Мутант с раско-

лотым надвое затылком рыбкой ныряет в контейнер, аж ноги вверх подлетели, а Вадика спиной впечатывает в соседнюю стену.

Теперь уже я хотел перехватить инициативу и подобрать штуцер. И только дернулся за ним, как что-то крепко схватило меня за ногу. Сдавило ступню и потянуло в сторону контейнера. Чертова лиана, выпущенная бутоном, крепко обхватила меня за ботинок, сокращалась, натягиваясь, как трос, и медленно, но верно потащила меня к бутону.

Я выхватил томагавк, вывернулся так, чтобы прижать жгут максимально к земле и, борясь с паникой, начал лупить по ней топором. После пятого удара она лопнула, я на четвереньках, поднимая кучу пыли, отбежал на безопасное расстояние.

Поднялся, проорался, просто выпуская накопившуюся злость и панику. Достал обрез и, подойдя к контейнеру на безопасное расстояние, расстрелял оставшихся «нянек».

Резко стало тихо.

Только бутон чавкал, поглощая Егеря. Как же мерзко. Я как-то видел, как змея поедает лягушку, раздуваясь в несколько раз, чтобы пропихнуть добычу. Так и бутон раскрылся, а черепашка-носорог, подтягиваемый лианами, уже по плечо погрузился внутрь, только кислотная желчь бурлила на «губах», растворяя броню мутанта.

– Давай это фсе фоффем, – Вадик, кряхтя, поднялся, по-

тряс головой и стал тереть плечо, – Я там видел канифтры, я фбегаю.

– Да, давай сожжем.

Я забрался на соседний контейнер, перезарядился и стал ждать Вадика.

Что-то я устал. Было и грустно, и радостно одновременно. Радостно, что выжили, а грустно из-за Егеря. Не успели мы с ним подружиться, но он все-таки спас меня. Понял, что не готов ждать Вадика и смотреть, как бутон поедает тело бывшего снайпера.

Спрыгнул, вернулся к распахнутым воротам. Прицелился и дуплетом пальнул в основание бутона. Перезарядился и повторил, каждый раз выбивая куски плоти и кровавые ошметки. С третьей двойки, наконец, отстрелил одну челюсть.

Прицелился дальше, но услышал звук мотора на улице. Что-то крупное, явно не байк и не легковушка, скорее грузовик. Отступил в проулок между контейнерами и скрылся в тени. Попробовал по рации связаться с Вадиком, но, кроме шипящих «фыр-фыр-фыф», ничего не понял.

В узкий проезд между контейнерами, чуть ли не вплотную к стенкам въехал бронетранспортер. Остановился, не доезжая, до меня пару контейнеров и оттуда выбрался улыбающийся Вадик.

– Кофмоф! Ты где? Я нам колефа надыбал! Не мой «ниф-

фан», но вроде нифего так птафка.

– Рыбка, а не пташка.

– Фе?

– Это «пиранья», говорю. Швейцарский бронетранспортер фирмы «Моваг», как ты ее завел-то?

– Ааа, ты про это. Да фнаю я, фто это, – Вадик открыл дверь в кузов и стал вытаскивать канистры, – Но раф я фафел, фнафит будет птафкой.

Две открытых канистры просто забросили внутрь, еще две расплескали настолько глубоко, насколько смогли, сделали дорожку и подожгли.

Отошли на безопасное расстояние, смотрели на языки пламени, вырывающиеся из ворот, и устроили минутку молчания.

Хотя получилось всего секунд пятнадцать, а потом зашуршала рация.

– Космос, Вадим, прием, это МакФерси, ответьте лагерю. Прием.

– На фвяфи, прием.

– Вадим, рад, что ты жив, но Космос есть рядом? Не могу тебя понять.

– На связи, – неудивительно, я сам половину Вадиковой болтовни не понимаю.

– Супер! Ребят вы далеко? Мы подскочили на точку, что

вы указали. Забрали шестнадцать человек.

– Как шестнадцать? Троих еще не хватает.

– Вот поэтому я вам и звоню. Там пацан с девочкой, вроде брат с сестрой, потерялись и за ними учительница пошла, та, что рыженькая. Парни ждали их, но случился огневой контакт, и мы отступили. В общем, мимо если будете проезжать, гляньте, может живы еще. Отбой.

Глава 6

– Помофем? – спросил Вадик, когда рация стихла.

– Если успеем, – я пошел к контейнеру с наклейками, намереваясь, наконец, набрать все, ради чего сюда приехали, а может даже и больше, – Чем быстрее все осмотрим, тем больше шансов.

Сбил замок, со скрипом отворил ворота и уставился на ровные ряды зеленых армейских ящиков. Потом вскрыл следующий контейнер, потом еще один и еще. В голове что только не крутилось: хабар, лут, ништяки. То, что мы сорвали джек-пот, было несомненно, и также было несомненно, что мы его не переварим.

– Лагерь, прием. МакФерси – Космосу, прием.

– Что там у вас?

– Еще одни координаты примите. И выезжайте сразу с фурами, здесь есть чем поживиться. Оружие, снаряга, боеприпасы, еда, одежда, одеяла, в общем, куча товаров повседневного спроса.

– В чем подвох?

– Поторопиться нужно, здесь пока тихо, но не факт, что надолго.

Может с мутантами «глобалы» и не хотели сами разбираться, то, учитывая слежку, знают о результатах зачистки лагеря и, уверен, что тоже наведаются. Так что, как грустно не было, как внутренний жабо-хомяк не стонал, но вечно столоваться у миротворцев не получится.

Как ни торопились, все равно больше часа ушло на поиски и сборы. Все грузили в трофейную «пиранью», решив, что теперь у нас будет дом на колесах, а, точнее, небольшая, но крепость. Собрали все по списку от «Глобалов», а дальше уже старались для себя и в перспективе для остальных мчсников.

Вещи первой необходимости в текущей ситуации: новенькие автоматы АК-12 с запасом как самих автоматов, так и магазинов, патронов и всевозможного обвеса, от коллиматоров до фонарей и рукояток. К ним в довесок пару снайперских винтовок и пистолеты. Винтовки, так сказать, возрастные – СВД, а вот пистолеты довольно новые – девятимиллиметровый пистолет Лебедева, версия под названием МПЛ-один с резьбой под глушитель.

С пистолетами я все-таки пожадничал. Когда в одном из контейнеров наткнулся на два готовых комплекта – аккуратный ящичек с пистолетом, глушителем, тремя магазинами, ремонтным набором и сменными накладками на рукоять под разные шаловливые ладошки, то решил, что ни с кем делиться не буду. Как говорил Леха: мне нужнее. Магазин на шестнадцать патронов, планка «пикатинни» для крепления ла-

зерного прицела или фонарика, который я тоже раздобыл.

Не смог на этом остановиться и про запас прихватил еще один пистолет, только в версии ПЛК, он же пистолет Лебедева компактный с магазином на четырнадцать патронов и без резьбы под глушитель. Тот, что с глушителем, решил брать на вылазки, а компактный, так сказать, для ежедневного ношения или оружия последнего шанса.

Что-то более тяжелое и с калибром покрупнее найти не смогли, все-таки миротворцы не совсем в панике сваливали. Излишки оставили, а все убойное успели пустить в дело или увезли с собой.

В домике, заменявшем мастерскую, правда нашлось несколько разобранных «Печенегов» и один пулемет калибра двенадцать и семь миллиметров, похоже, снятый с «пираньи». Навскидку определить, что с ним было не так, понять не удалось. Но похоже бронетранспортер оставили как раз из-за ремонта пулемета – беззубая «пиранья» никого не заинтересовала.

Дальше грузили все, что могло улучшить жизнь или сделать ее комфортной: консервы, питьевая вода, аптечки, одежда, спальники, инструменты – хоть сейчас собственный лагерь человек на десять организовывай. Плюс брони и даже несколько голубых Ооновских касок.

И я, наконец, обзавелся удобным штурмовым ранцем оливкового цвета и тактическими перчатками без пальцев, но с усилением на костяшках. Трогать и таскать мертвяков

при необходимости приятней не станет, но хоть по зубам дать так страшно не будет.

«Пиранью» забили под завязку, и еще хотелось, но Вадик попросил оставить пару свободных мест на тот случай, если встретим рыженькую училку с детьми.

То, что путешествовать на бронетранспортере такое себе удовольствие стало понятно, как только въехали в город. И хоть аллею с повешенными объехали, сильно дав по кругу и бездорожью, то, когда вернулись на дорогу, моментально превратились в магнит для мертвяков.

На шум двигателя и звуки ударов по машинам, а проехать теперь мы могли не везде, из каждой дырки, ямы, дома к нам тянулись зомби и преследовали пока или у меня, или у Вадика не выдерживали нервы. В таких случаях мы тормозили, и как двое из ларца, в одинаковых голубых касках выскакивали из люков и отстреливали из АК по два-три десятка шаркунов, радуясь новому оружию и огромному запасу патронов.

Зато люди на нас не реагировали, мимо проскочила какая-то машина с гражданскими. Заметили нас, помахали белой майкой из окна и свалили по-быстрому.

Но все равно было неуютно, и очень душно. Какое-то ложное чувство безопасности – вроде бы и находишься за толстыми стенками, и от шаркунов убережешься да от каких-нибудь фермеров, а вот от РПГ или снайпера, когда подышать высовываешься, уже нет. Наоборот – ни маневра, ни

движения, считай заранее в гробу едешь.

С нами связался Джерри, передал координаты места для встречи с «глобалами». Очередная то ли церковь, то ли приют неподалеку от залива всего в нескольких километрах от нас.

Когда мы прибыли на место, «глобалы» уже были там. Если бы не их фирменный черный грузовик с тонированным «геликом» поддержки, я бы даже не понял, что правильно приехали. Вся церковь представляла из себя глиняный барак с соломенной крышей, причем стен было только три.

Внутри стол в углу, за которым или вели проповеди, или читали уроки, и несколько низких лавок, разбросанных по помещению. На стене висела распятая статуя в человеческий рост, но, когда подъехали ближе и выбрались из «пираньи», оказалось, что это не статуя, а успокоенный мертвяк.

Из джипа вышел «призрак» с выключенной броней, тот самый родственник покойника из отеля. При ярком свете дня, наконец, удалось рассмотреть и его и броню.

Парень молодой, даже слишком молодой, где-то чуть-чуть за двадцать. Светленький, аккуратная прическа, будто только что из барбершопа. Виски выбриты, на лбу невысокий зализанный чуб, солнечные очки с зеркальным отражением. На носу веснушки, ямочки на щеках – прям милаха-парень.

Ни разу не поверишь, что убийца-психопат. Но это издалека и мельком. Начинаешь приглядываться и видны и тонкие скривившиеся губы, и маленький шрам на виске, и та-

тушка с черепом, торчащая из-под кевларового воротника.

– Живой ещё, бродяга? – бросил он мне вместо приветствия.

– Как видишь, – я окинул взглядом поляну, пытаясь понять, сколько здесь «глобалов».

– Это хорошо, а то я сам хочу тебя убить, – он осклабился и подождал, возможно, рассчитывая на какую-нибудь реакцию, но я промолчал. – Привезли?

– Да, – я подошел вплотную и стал разглядывать свое отражение в солнечных очках, побриться бы не помешало, да и барбершоп скоро самому понадобится, – Где наш человек?

– Он пока останется у нас, – «призрак» отступил на шаг, а на костюме замерцали искорки, насколько помню, что-то типа холостого хода включилось перед полным запуском, – Мы переоценили сложность зачистки лагеря ООН. Слишком легко вы там справились, поэтому цена за услугу составила двадцать четыре часа продления срока. С этим есть какие-то проблемы?

Конечно есть, ублюдок ты конченый. Но я сдержался. Не дотянусь. Может, как говорится: не съем, но понадкусываю. И то под вопросом. Томагавком дотянусь, а может и ПЛК выхватить успею, но нет. Вижу еще троих (не призраков) в обычном черном камуфляже по периметру, вроде бы шаркунов высматривают, но и в нашу сторону косятся. Плюс в

«гелике» кто-то есть, да и «призраки» по одному не ходят, как правило.

Я сдержался. Подвинул Дугласа в своем мысленном списке мести на второе место, пропихнув на первое своего нового фаворита. Свидимся еще, да и костюмчик твой я себе заберу, размер подходящий.

– Разгружаемся! – я крикнул Вадику заранее подготовленную фразу, означающую, что на конфликт не идем и повернулся обратно к «призраку», – Я хочу поговорить с сестрой.

– Это…можно, – скривился парень, но потянулся за рацией.

Похоже, чувства нас одолевали одинаковые. Вот только лицом он владел похуже. Молодой еще, нервный, легко на провокацию пойдет, психанет и тогда-то мы его за кевларовую жопу и прищучим.

Хотя, если сестра не ответит или скажет, что ее там обижают, я сам психану. Но переговоры с кем-то в лагере «глобалов» прошли успешно, я даже узнал имя «призрака» – Маркус. А через пять минут услышал чуть запыхавшийся, но вполне бодрый родной голос. «Призрак» зарычал, чтобы говорили только на английском.

Сестра затараторила, но успела сказать всего одну фразу: «Мы в порядке. С этими стариками чувствую себя, как на дне рождения тети Лены. Да еще с подарком никак не опре-

делимся, ты ведь помнишь, что она все время на кето-диете».

Маркус выключил рацию и подзавис, пытаясь осознать, что сказала сестра.

Я тоже.

На дне рождения тети Лены моя сестра по сути и не была ни разу. У тетки всегда был какой-то нездоровый интерес к успехам сестры на фоне танцев и чуть ли не с порога Катьку заставляли исполнять новые выученные движения. Сестра бесилась и сбегала при первой же возможности.

Значит, готовят побег.

Вместе со стариками – считай, как минимум с Леонидычем. Идеи и планы у них есть, но готовый вариант еще не нарисовался. Причем планы связаны с речкой. Это, конечно, если она правильно перевела, а я правильно перевел обратно и все понял. Что такое кето-диета я понятия не имею, но сестра об этом прекрасно знает. Так что уверен, что здесь достаточно уловить первое слово, а кета – это рыба.

Пока непонятно, хорошо ли это или плохо, что хотят бежать. Маловато информации, но раз мудрит что-то, значит и силы, и настроение в порядке. И пожалуй, сейчас это главное.

Я помог Вадику с разгрузкой. Очень хотелось послать «призраков» в пешую прогулку на три веселых буквы, и пусть сами тут корячатся. Но был шанс, что вынесут больше, чем им полагается, так что потели и кряхтели, зато справились быстро. Чуть ли не перед самым носом Маркуса за-

хлопнув двери, чтобы не подглядывал на наши запасы.

На прощание «призрак» пообещал, что еще свяжется, и напомнил, сколько времени осталось. А я почти вернул его же фразу, подмигнул и пожелал выжить до следующей нашей встречи.

***

Район Глостер. Западный Фритаун. 27 марта 18:25

– Вон пофта, где бабы под колефа брофилифь, – Вадик припарковал «пиранью» за несколько одноэтажных домиков до места, где мы встретили училок, – Какой план?

– Поищем немного, – я посмотрел на часы, – на ночь глядя, мы все равно алмаз не найдем. А вот утром надо будет в одно место заехать, мне твоя помощь будет нужна.

– Добро, – кивнул Вадик и уже, наверное, в сотый раз потер ушибленное плечо.

– А пока ты охраняешь наши пожитки, а я налегке по-тихому прошвырнусь по району и поищу девчонку с детворой. Если через час на связь не выйду, дуй к выживальщикам.

– Уверен, фто один?

– Да, – я взял пистолет Лебедева с глушителем, рассовал запасные магазины в подсумки, закинул в рюкзак обрез, самодельные отвлекалки из будильников и проверил, как закреплен томагавк. – Все, я пошел.

Штуцер, конечно, был бы понадежней, но действия обезболивающих пластырей закончилось, плечо ныло и не то, что штуцер, приклад АК-12 причинял боль при стрельбе. Да и по-тихому бы не получилось.

Я пробежался до здания почты, прыгнул на перила, а с них перебрался на козырек. С него забрался на ближайшую решетку и сквозь разбитое окно и погнутые жалюзи стал пытаться, что-то разглядеть.

Увидел холл, край лестницы и стулья для посетителей в коридоре вдоль стены. Шаркуны – не толпа, но бродили довольно свободно. Никуда особо не ломятся, никого не караулят, зато, как почувствовали меня, сразу же потянулись в мою сторону.

Будем считать, что здесь чисто.

Вернулся на козырек, снизу уже стояла парочка шатунов и высматривали меня. МПЛ на фоне долбежки по жалюзям у меня за спиной тихонько хлопнул два раза, выбивая остатки мозгов стоящим внизу. Я набрал в легкие побольше воздуха и закричал: «Ребеккаааааа», а потом спрыгнул и бросился к козырьку здания напротив, проскочив метрах в десяти от привлеченных шаркунов.

Мда, орать, конечно, не самая лучшая идея, но если они куда-то заныкались, то я их в жизни не найду.

Куда могла деться молодая напуганная девушка? Церквей тут полно, почтовых отделений всего два на весь город, зато церквушка чуть ли не на каждой улице. Во Фритауне связь,

похоже, налажена только в одну сторону, но Ребекка из Дании, а как там с этим дела обстоят, я даже не знаю. Но скорее всего таким, как она уверенность дают другие постройки.

Посольство, например, но оно далеко. Полицейские участки, но они давно разграблены и полны мертвяков. Остается банк. Но, с другой стороны, она же пошла искать детей, а тем больше подойдет школа или развлекательный центр. Куда бы я пошел, кроме милиции или папиной работы, будь я десятилетним пацаном в городе, кишащим зомби? Хотя я тоже не показатель, у нас в закрытом городке и Дом Офицеров был и КПП с бойцами при оружии.

Ну или бы просто вернулся бы в свой пионерский или, может, здесь бойскаутский, приют. Банк, мне кажется, я вижу дальше по улице, верхушка церкви торчит всего через пять домов, а до приюта чуть меньше километра дворами, потом серия тростниковых построек вдоль пляжа, а дальше уже открытая вода.

Под ногами скопилась уже довольно большая толпа мертвяков и все время подтягивались новые. Жара спадала, но ветерок еще холодным не был, наоборот, душным, все время казалось, что не хватает кислорода, чтобы вдохнуть полной грудью.

Если стемнеет, то я уже точно никого не найду. Спускаться я не стал, развернулся, подпрыгнул и по уже привычной схеме: кондиционеры, карнизы и решетки, забрался на крышу.

– Вадик, прием. Сгоняй на «пиранье» до пляжа, посмотри, может, они вернулись. Из БТРа не выходи только. Перед тобой на улице все чисто, а задних я сейчас отвлеку.

– Окей, ты куда?

– В банк надо, а то наличка закончилась.

– А, ню-ню, – Вадик хмыкнул, – Нафинать?

– Обожди, по будильнику стартанем.

Я достал ловушку-отвлекалку. Завел будильник на ближайшее время и навесом метнул в контейнер с мусором, стоявший на углу почты. Выждал две минуты, но ничего не произошло, только шаркуны подо мной начали разбредаться по улице.

Вытащил второй и повторил операцию. Подождал еще минутку и, когда затрещали бубенчики причем сразу у двух будильников, дал Вадику команду двигаться. Проследил взглядом, что за ним почти никто не увязался, а большинство шуршало возле помойки, и только тогда побежал по крыше в сторону банка.

Нашел выход с крыши и тихонько спустился в какое-то офисное здание, прислушался, но кроме тяжелого хрипа внизу на лестнице и звуков, будто кто-то монотонно бьется головой о стену, ничего не услышал. Топором и пистолетом проложил себе дорогу к выходу, завалив по дороге, по одному, четырех мертвяков. Нет жары – нет толковых монстров в

помещениях, только самые медлительные остаются, остальные уже на ночную охоту выбрались.

И действительно, на улице плотность ходячих трупов возросла. Я выстрелил несколько раз, выбивая стекла у припаркованной через дорогу машины, отвлек шаркунов и проскочил в открытые двери банка.

Вывеска с надписью FiBank валялась на полу под кучей разбросанных рекламных буклетов с той же надписью. Я опять будто в прошлое попал – никаких электронных табло, никаких терминалов с талончиками. Только небольшой зал со скамейками, в котором отгородили прямоугольный кусок с рабочими местами сотрудников и решетками от пояса в местах, где были окошки для работы с посетителями.

А вот очередь была. Два десятка шаркунов буквально по порядку выстроились, чтобы добраться до меня. Я выстрелом сбил первого, опрокинув его на остальных, и побежал к двери сбоку от огороженного пространства. Заперто. Но не на замок, сквозь прутья решетки было видно, что просто подперли ручкой от швабры.

Я отстрелил еще троих, пнул им под ноги мусорное ведро и еще одну стойку с рекламками, и навалился на дверь. Со второго удара выбил то, что держало ручку, и прошмыгнул внутрь. Расстрелял сквозь решетку еще двоих и вернул треснувшую швабру на место. Не успокоился на этом и подкатил старый тяжеленный копировальный аппарат, заблокировав ему колеса.

Добил оставшиеся в магазине патроны, создавая кучу малу из тел, и присвистнул, глядя на то, сколько новых набежало. Перезарядился и только после этого пошел вглубь здания, где видел лестницу, уходящую как вниз, так и вверх.

Вверх я смог пройти только полпролета и уперся в баррикаду из мебели, принтеров, мониторов и вешалок – похоже, все, что было на верхних этажах, все сюда и спихнули под самый потолок и судя по пыли и засохшей крови, уже довольно давно.

Вернулся вниз, поматерился на посетителей банка, заметив в толпе трех прыгунов, как минимум на голову возвышавшихся над общей серой массой. Прикатил к двери еще один «ксерокс» и быстро сдал назад, чтобы не перевозбуждать зомби, с новой силой рванувших на дверь.

Сам себя загнал в ловушку и теперь единственный путь – вниз. А туда совсем не хотелось.

На первой же ступеньке лежала отрезанная куриная голова, на следующей еще одна, а рядом тощая, будто выдавленная, обезглавленная куриная тушка.

Все стены были заляпаны кровавыми пятнами – с одной стороны характерные отпечатки рук. Будто кто-то ухватился за угол, не давая утащить себя вниз, но его дернули, сорвали и протащили с такой силой, что несколько ногтей застряло в штукатурке.

А на другой стене кто-то нарисовал большой, неровный, но вполне узнаваемый двойной круг с перевернутой звездой

внутри. И дополнил какими-то мазками, смахивающими на морду рогатого зверя.

– Кофмоф, прием! – зашепелявила рация, заставив меня вздрогнуть.

– На связи, – я отошел в сторону от лестничной клетки, держа угол под прицелом, может, показалось, но снизу послышались шаги, – пока еще на связи. Ты как?

– Бинго! Я нафел! Прикинь, они реально вернулифь и плавали недалеко от берега. Где тебя подобрать? А фто за фвуки? У тебя там поет кто-то?

Глава 7

Действительно, снизу послышалось пение – заунывное, протяжное, точь-в-точь как мычал толстяк возле автосервиса на моей последней встрече с сектантами. Я принюхался, ароматы снизу шли убойные, но на дымовуху, как в прошлый раз, это не тянуло.

Как там в песне пелось? Хорошими делами прославиться нельзя? Надо было не умничать, а самому лагерь сперва проверить. Хорошо хоть училку с детьми спасли…

Шаги. И тягучий мерзкий напев.

Кто-то тяжелый медленно двигался по ступенькам. Не шаркун и не крадется, но шел медленно, будто тяжело ноги задирать.

Я поднялся к завалу из мебели. Подцепил томагавком сидушку у торчащего вверх ногами стула и тихонько распотрошил обивку. Вытащил два куска поролона, скрутил в трубочки и засунул в уши, чтобы не слышать пение. Черт его знает, голова в прошлый раз пошла из-за травок или черной магии.

Спустился к началу лестницы и поднял пистолет, прицелившись на линию, где заканчивалась перегородка между лестничными проемами. Покосился на зомби в зале. Часть мечется перед приемными окошками, один даже пролез ча-

стично – голову и руку пропихнул, а дальше застрял. Появились просветы в толпе, подумал, что их стало меньше, но пригляделся и понял, что это они вокруг прыгунов расступились. Многовато их на пути до выхода, не прорвусь.

Вытянутая рука уже начала уставать, когда снизу, наконец, кто-то поднялся. Шаги я не слышал, ничего не слышал – только легкое гудение пустоты в закупоренных ушах.

Первым появился запах – резкий сладковатый одеколон с примесью пота, потом мелькнула рука – полная чернокожая ладонь с золотыми часам на запястье. Человек за перегородкой явно, дойдя до последней ступеньки, остановился, опершись рукой на стену. Прошла почти минута, прежде чем негр продолжил движение и на линии угла одновременно вместе с пузом появился профиль человека.

Нос картошкой, массивные, как у многих африканцев, губы, дорожка пота на щеке – видать, каннибалы в шаманы себе только самых упитанных берут. Где-то слышал, что память находится в жире и у массивных людей и того и другого хоть отбавляй. С другой стороны, если это секта гурманов, то может им по статусу положено крупными быть.

Как только из-за угла появился висок, я выстрелил. И дальше уже не стал медлить. Активировал режим – тренировочный отстрел по мишеням и, держа пистолет на уровне глаз, только чуть вжал шею в плечи, и пошел вниз по ступенькам.

Выскочил и отправил две пули в грудь человеку, пока-

завшегося из-за угла. На моей стороне скорость и эффект неожиданности. Туземец-послушник даже не понял, что случилось, когда свернул за угол и увидел медленно сползающее по стенке тело шамана.

Я выдернул поролон из ушей, убедился, что паники нет, не считая беснующихся мертвяков за перегородками, и пошел вперед.

Тускло освещенный коридор, какие-то тележки и коробки, покачивающийся силуэт высокого мужика у стены, звонкое журчание струи в железное ведро – еще два выстрела в центр силуэта, чтобы наверняка. Быстрая перебежка между ящиками, контрольный в голову ссыкуна.

Иду дальше.

Заглядываю в дверной проем бывшей кладовки и расстреливаю сонных сектантов, лежащих на ковриках по углам. Один спит, второй в наушниках и с абсолютно тупой улыбкой пялится в яркий экран планшета, только третий что-то почувствовал, вскинулся сквозь сон и стал шарить рукой по полу в поисках мачете.

Его и убиваю первым. Стреляю двойкой в корпус, чтобы не искать в темноте, где там голова. Парень с планшетом не реагирует, обдолбанные они тут что ли. Стреляю в спящего, и только потом бью прямо в светящееся яблочко, пробивая «айпад» насквозь.

Слышу шаги в коридоре и прячусь за дверь. Пробегают трое с оружием в руках, что-то воинственно бормочут на

непонятном мне языке. Пропустил, высунулся и разрядил остаток магазина в спину. Меняю магазин и, под прикрытием тележки, заваленной черными спортивными сумками, иду вперед.

Что, не спортивно? Очень даже спортивно – три выстрела и все в цель, а про яблочко в комнате, так вообще выстрел на сто баллов.

Не удержался, расстегнул молнию на сумке и уставился на новехонькие ровные ряды зелененьких бумажек с номиналом десять тысяч.

Вот только валюта местная – Сьерра-леонский леоне. В этой стране финансисты те еще креативщики, долго, видать, над названием думали. Но с экономикой в стране было еще хуже, чем с крутыми названиями. По курсу на день моего прилета две таких бумажки могли бы поменять на один доллар.

Сумок, кстати, много – все плотно набитые пачками с купюрами. Но мне трех камазов не хватит, чтобы с «глобалами» расплатиться.

Перед следующим поворотом остановился, прислушался и принюхался. Играла музыка, но не туземные напевы, а какая-то вполне себе обычная западная попса. Отчетливо пахло жареным мясом, а дальше, как по классике: «тряпки жжем, смеемся».

Аккуратно выглянул и увидел небольшой холл перед приоткрытым массивным входом в банковское хранилище. Сбо-

ку, на раскладных стульях, сидело два аборигена. Один в отключке, из ушей торчат провода наушников, но штекер просто свисает на пол. На коленях очередной планшет, на котором мелькают разноцветные отблески и негромко звучит попсовый ритм. Второй наклонился над газовой плиткой и что-то перемешивает на небольшой сковородке, периодически выдыхая дым из замызганной пластиковой бутылки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.